

ЛОРД
ДАНСЕЙНИ

Время и боги

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Лорд Дансейни

Время и боги

«Азбука-Аттикус»

1905-1908

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дансейни Л.

Время и боги / Л. Дансейни — «Азбука-Аттикус»,
1905-1908 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-21617-4

Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, 18-й барон Дансейни, публиковавшийся как лорд Дансейни, – знаменитый автор множества романов, пьес и литературных сказок, стоявший у истоков самого жанра фэнтези. Едва ли не первым в европейской литературе он создал целый «вторичный мир» – со своей космологией, мифологией, историей и географией. Его мифология повлияла на Лавкрафта, Толкина и Борхеса, а парадоксальный юмор, постоянная игра с читательскими ожиданиями – на Нила Геймана и на всю современную ироническую фэнтези. В данной книге вашему вниманию предлагаются три первых сборника мастера – «Боги Пеганы», «Время и боги», «Меч Веллерана и другие истории». Здесь бог радости и сладкоголосых музыкантов может встретить бога сновидений и фантазий, девочка Заря находит и снова теряет свой золотой мяч, а в Запредельном Безмолвии обитает тот, кто не был ни богом, ни чудовищем... Часть рассказов публикуется в новых переводах, остальные – в новой редакции.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21617-4

© Дансейни Л., 1905-1908

© Азбука-Аттикус, 1905-1908

Содержание

Боги Пеганы	7
Предисловие	7
Боги Пеганы	8
О Скарле-барабанщике	9
О сотворении Миров	10
Об игре богов	11
Песнь богов	12
Речения Киба(пославшего жизнь во все Миры)	13
О Сише(которому служат Часы)	14
Речения Слида(душа которого в Море)	15
Деяния Мунга(Владыки всех смертей между Пеганой и Пределом)	16
Песнь Жрецов	17
Речения Лимпанг-Танга(бога радости и сладкоголосых музыкантов)	18
О Йохарнет-Лехее(боге сновидений и фантазий)	20
О Руне, боге Ходьбы, и о сотне домашних богов	21
Бунт речных божеств	23
О Дорозанде(чьи глаза видят Конец)	25
Око в Пустыне	26
О том, кто не был ни богом, ни чудовищем	27
Пророк Йонаф	29
Пророк Йуг	30
Пророк Алхирет-Хотеп	31
Пророк Кабок	32
О беде, что приключилась с Йун-Иларой у моря, и о строительстве Башни Исхода Дней	33
О том, как боги погубили долину Сидифь	34
О том, как Имбон стал в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного	36
О том, как Имбон повстречался с Зодраком	38
Пегана	40
Речения Имбона	42
О том, как Имбон говорил с царем о смерти	43
Об Ооде	44
Река	45
Птица судьбы и Конец	46
Время и боги	47
Предисловие	47
Часть I	48
Приход моря	49
Легенда о Заре	52
Отмщение людское	55
Когда боги спали	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лорд Дансейни

Время и боги

- © И. В. Борисова, перевод, 2015
 - © В. А. Гришечкин, перевод, 2003, 2015
 - © Н. Г. Кротовская, перевод, 2000, 2015
 - © В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 2000, 2015
 - © С. Б. Лихачева, перевод, 1994, 1997, 1999, 2022
 - © Н. А. Цыркун, перевод, 2000, 2015
 - © Г. Ю. Шульга, перевод, 2000, 2003
 - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
- Издательство АЗБУКА®

Боги Пеганы

Посвящается леди Дансейни

Предисловие

Есть острова в Срединном море, воды которого не стеснены никакими берегами, куда не доплывает ни один корабль.

Вот вера людей, живущих на этих островах.

В туманной мгле, предшествовавшей Началу, Судьба и Случай кидали жребий, чтобы определить, чья будет Игра; выигравший же поспешил, широко шагая сквозь туманную мглу, к МАНА-ЙУД-СУШАИ и сказал ему:

– Теперь создай для меня богов, потому что мой жребий выиграл и Игра будет моя.

Но чей жребий выиграл и кто, Судьба или Случай, сквозь туманную мглу, предшествовавшую Началу, поспешил к МАНА-ЙУД-СУШАИ, – *никому не известно.*

Боги Пеганы

Раньше, чем воцарились боги на Олимпе, и даже раньше, чем Аллах стал Аллахом, МАНА-ЙУД-СУШАИ уже окончил свои труды и предался отдыху.

И были в Пегане – Мунг, и Сиш, и Киб, и создатель всех малых богов, МАНА-ЙУД-СУШАИ. Кроме того, мы верили в Руна и Слида.

Старики говорили, что все кругом сделано малыми богами, кроме только самого МАНА-ЙУД-СУШАИ, который создал богов и поэтому отдыхал.

И никто не смел молиться МАНА-ЙУД-СУШАИ, а молился лишь богам, которых он создал.

Но в Конце МАНА-ЙУД-СУШАИ забудет про отдых и захочет создать новых богов и новые миры и уничтожит богов, созданных раньше.

И боги и миры исчезнут, останется лишь МАНА-ЙУД-СУШАИ.

О Скарле-барабанщике

Когда МАНА-ЙУД-СУШАИ создал богов и Скарла, Скарл сделал барабан и начал барабанить по нему, а барабанить он мог вечно. Затем МАНА-ЙУД-СУШАИ, утомленный своими трудами и барабанной дробью Скарла, задремал и уснул.

И, увидев, что МАНА-ЙУД-СУШАИ заснул, боги замолчали, и в Пегане воцарилась тишина, слышна была только барабанная дробь Скарла. Скарл сидел в туманной мгле у ног МАНА-ЙУД-СУШАИ, над богами Пеганы, и бил в барабан. Некоторые говорят, что Миры и Солнца – это лишь эхо барабанной дроби Скарла, а другие считают, что это сны МАНА, которые навеивает ему барабан Скарла, вроде тех, что иногда могут привидеться, если сквозь сон услышишь мелодию песни, но это лишь предположения, ведь никто никогда не слышал голоса МАНА-ЙУД-СУШАИ и никогда не видел его барабанщика.

Зима ли царит среди Миров или лето, утро ли озаряет Миры или они окутаны ночной тьмой, Скарл продолжает бить в барабан, поскольку цели богов еще не достигнуты. Иногда рука Скарла слабеет, но он все барабанит, чтобы боги могли свершать свои труды, а миры – вращаться, ведь если он хоть на мгновение перестанет, МАНА-ЙУД-СУШАИ проснется и тогда не останется ни богов, ни Миров.

Но когда наконец руки Скарла все же устанут, тишина потрясет Пегану не хуже громового раската в пещере и МАНА-ЙУД-СУШАИ прервет свой отдых.

Тогда Скарл закинет барабан за спину и направит свои стопы в пустоту, за пределы миров, потому что настанет КОНЕЦ и труд его будет завершен.

Возможно, появятся новые боги, которым Скарл сможет служить, или, возможно, он погибнет. Но для Скарла это не важно, потому что свою работу он выполнил.

О сотворении Миров

Когда МАНА-ЙУД-СУШАИ создал богов, существовали только боги и все они находились в середине Времени, поскольку перед ними простиралось столько же Времени, сколько и позади них, и не было у него ни конца, ни начала.

А в Пегане не было ни жары, ни света, ни звука – ничего, кроме барабанной дроби Скарла. Кроме того, Пегана была Срединой Всего, поскольку за ней и под ней было столько же, что перед ней и над ней.

Тогда сказали боги, явив Свои знамения и разговаривая с помощью жестов, чтобы не смутить тишину Пеганы; тогда сказали боги один другому с помощью жестов:

– Давайте сотворим Миры, чтобы развлечься, пока МАНА отдыхает. Давайте сотворим Миры, и Жизнь, и Смерть, и небесную лазурь; но не станем нарушать тишину над Пеганой.

И подняли боги руки, каждый являя Свое знамение, и создали Миры и Солнца, и зажгли свет в небесных чертогах.

Тогда сказали боги:

– Давайте сотворим ту, что будет искать, но никогда не выяснит, почему боги творили.

И Они подняли руки, каждый являя Свое знамение, и создали Слепительную, с горящим хвостом, чтобы она устремлялась на поиски от края Миров до другого края, возвращаясь обратно через сотню лет.

Когда ты видишь комету, знай, что ее возвращения тебе не дождаться.

Тогда сказали боги, по-прежнему разговаривая жестами:

– Давайте сотворим ту, что будет сторожить и наблюдать.

И Они создали Луну, с ликом морщинистым и изрытым из-за тысячи долин и множества гор, с бледными глазами, наблюдающими за играми малых богов, стерегущими покой МАНА-ЙУД-СУШАИ; создали Луну, чтобы она сторожила, и наблюдала за всем, и молчала.

Тогда сказали боги:

– Давайте сотворим ту, что будет отдыхать. Будет неподвижна среди движения. Не станет искать, наподобие кометы, не станет кружиться, наподобие миров, а будет отдыхать, пока МАНА отдыхает.

И Они создали Неизменную Звезду и поместили ее на Севере.

Когда ты видишь на Севере Неизменную Звезду, знай, что она отдыхает, как отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ, и знай, что где-то среди Миров есть покой.

Наконец боги сказали:

– Мы сотворили Миры и Солнца, и ту, что ищет, и ту, что наблюдает, давайте же теперь сотворим ту, что восхищает.

И Они создали Землю, ту, что восхищает, – каждый бог поднял руку, являя свое знамение.

И Стала Земля.

Об игре богов

Миллион лет прошло со времени первой игры богов. А МАНА-ЙУД-СУШАИ все еще отдыхал, все еще в середине Времени, и боги еще играли Мирами. Луна сторожила, а Ослепительная вновь и вновь отправлялась на поиски. Потом Кибу наскучила первая игра богов, и он в своей Пегане поднял руку, явив знамение Киба, и Земля оказалась покрыта зверями, чтобы Киб мог играть с ними.

И Киб играл со зверями, но вот другие боги стали переговариваться с помощью жестов:
– Что это Киб сделал?

И Они обратились к Кибу:

– Что это такое движется по Земле, но не кругами, подобно Мирам, и смотрит, подобно Луне, но при этом не излучает света?

Киб ответил:

– Это Жизнь.

Боги стали говорить один другому:

– Если Киб создал зверей, он со временем создаст и Людей и тем самым подвергнет опасности Тайну богов.

А Мунг позавидовал трудам Киба и послал вниз, к зверям, Смерть, но не смог известить их. Миллион лет прошло со второй игры богов, и все еще была Средине Времен.

А Кибу наскучила вторая игра богов, и он поднял руку в Средине Всего, явив знамение Киба, и создал Людей: он создал их из зверей, и Земля оказалась покрыта Людьюми.

Тогда боги преисполнились страха из-за Тайны богов и опустили завесу между Человеком и его невежеством, а Человек не мог этого постичь. И Мунг занялся Людьюми.

Но, увидев, как Киб играет в новую игру, боги пришли и стали тоже играть в нее. И так Они будут играть, пока МАНА не проснется и не упрекнет их, сказав:

– Что это играете вы с Мирами и Солнцами, и Людьюми, и Жизнью, и Смертью?

И в тот час, когда рассмеется МАНА-ЙУД-СУШАИ, устыдятся боги Своих занятий.

Это Киб первым нарушил Тишину Пеганы, начав говорить ртом, подобно Человеку.

А остальные боги рассердились на Киба, за то, что он говорил ртом.

Так не стало больше тишины ни в Пегане, ни в Мирах.

Песнь богов

Раздался глас богов, поющих песнь богов, распеваящих:

– Мы боги, Мы игрушки МАНА-ЙУД-СУШАИ, которыми он играл и о которых позабыл. МАНА-ЙУД-СУШАИ создал нас, а Мы создали Миры и Солнца.

И Мы играем с Мирами и Солнцами, и с Жизнью и Смертью, пока МАНА не проснется и не упрекнет нас, сказав: «Что это играете вы с Мирами и Солнцами?»

Миры и Солнца вещь важная, но смех МАНА-ЙУД-СУШАИ сокрушителен.

И когда он воспрянет ото сна в Конце и будет смеяться над нами, за то, что Мы играем Мирами и Солнцами, Мы второпях побросаем их и Миров не станет.

Речения Киба(пославшего жизнь во все Миры)

Сказал Киб:

– Я Киб. Я не кто иной, как Киб.

Киб – это Киб. Это Киб, и никто иной. Веруйте!

Сказал Киб, что в ранние Времена – когда Время было и вправду совсем раннее – существовал лишь МАНА-ЙУД-СУШАИ. МАНА-ЙУД-СУШАИ был до возникновения богов и будет после их исчезновения.

Еще сказал Киб:

– Когда исчезнут боги, не станет ни маленьких Миров, ни больших.

Сказал Киб:

– И будет одиноко МАНА-ЙУД СУШАИ. Это начертано, потому веруйте! Разве это не начертано? Или вы превосходите величием Киба? Киб – это Киб.

О Сише(которому служат Часы)

Время – это пес Сиша.

Когда Сиш скажет, Часы наперегонки бегут впереди него, а он идет своей дорогой.

Сиш никогда не возвращается и никогда не останавливается; он ни разу не явил милости к тому, что знал когда-то, даже не взглянул в ту сторону.

Прежде Сиша идет Киб, а за Сишем – Мунг.

Все вещи красивы, пока не предстанут перед ликом Сиша, а после того они сморщенные и стары.

А Сиш, не останавливаясь, идет своей дорогой.

Когда-то боги гуляли по Земле, подобно людям, и, подобно им, разговаривали ртом. Это было в Уорнат-Маваи. Теперь они уже больше не гуляют.

Уорнат-Маваи – прекрасный сад, красивее всех других садов на Земле.

Киб был благожелателен, и Мунг не поднимал руку на Уорнат-Маваи, и Сиш не натравливал на него послушные Часы.

Уорнат-Маваи лежал в долине и был обращен к югу, а на одном из склонов, поросших цветами, Сиш любил отдыхать, пока был молод.

Отсюда отправился Сиш в мир, чтобы разрушать города, науськивать Часы на все на свете, засыпать все пылью и разъедать ржавчиной.

А Время, пес Сиша, пожирал все кругом, а Сиш насылал плющ и взращивал бурьян, а пыль из руки Сиша великолепным покровом ложилась на все кругом. Только на долину, где Сиш отдыхал, когда был молод, он не позволял нападать своим Часам.

Здесь он придерживал старого своего пса, Время, а Мунг, приближаясь к этим местам, замедлял шаги.

Уорнат-Маваи все так же лежит в долине, обратясь к югу, из всех садов сад, все еще растут цветы по его склонам, как росли, когда боги были молоды, и те же бабочки все еще живы в Уорнат-Маваи. Ибо сердца богов, вовсе не склонные смягчаться, смягчаются при воспоминаниях о юности.

Уорнат-Маваи продолжает лежать в долине, но если тебе когда-нибудь удастся найти его, ты счастливей богов, потому что они уже не гуляют там.

Как-то один пророк решил, что различает в отдалении, за горами, сад необыкновенной красоты, полный цветов; но поднялся Сиш, и указал на пророка, и послал своего пса в погоню за ним, и пес с тех пор преследует его.

Время – это пес богов; но в старину было предсказано, что наступит день, когда он поднимется на своих хозяев, возжадав гибели богов, всех, кроме МАНА-ЙУД-СУШАИ, сны которого воплотились в богов – сны, приснившиеся давным-давно.

Речения Слида(душа которого в Море)

Сказал Слип:

– Пусть люди не молятся МАНА-ЙУД-СУШАИ, ибо кто осмелится беспокоить МАНА скорбями смертных или раздражать его печальми всех жилищ на Земле?

Пусть никто не приносит жертву МАНА-ЙУД-СУШАИ. Разве жертвы и алтари добавляют славы тому, кто создал самих богов?

Молись малым богам, это боги Творения, а МАНА – это бог Сотворенного, бог Сотворенного и Отдохновения.

Молись малым богам и надейся, что они услышат тебя. Но какой милости дождешься ты от малых богов, которые создали Смерть и Боль? Хотя, возможно, они придержат ради тебя своего пса Время.

Слип – малый бог. Но Слип – это Слип – так начертано и так произнесено.

Поэтому молись Слипду и не забывай о Слиде, и, возможно, Слип не забудет послать тебе Смерть, когда она будет тебе нужнее всего.

Сказали Люди Земли:

– По Земле разносится мелодия, будто десять тысяч рек и ручьев хором поют о своих оставленных среди холмов домах.

И сказал Слип:

– Я – Владыка текущих рек, и пенящихся потоков, и стоячих вод. Я – Владыка всей воды в мире и всех сокровищ, принесенных течением рек в холмы. Но душа Слида в Море. Туда движется все, что течет на Земле, и все реки кончаются в Море.

И сказал Слип:

– Пальцы Слида играют с водопадами, на рассвете в долинах остаются следы Слида, а из озер на равнинах смотрят его глаза, но душа Слида в Море.

Чтят Слида люди в городах, нравятся ему полевые тропки, и лесные стежки, и долины меж гор, где он пляшет; но Слида не удержать ни берегами, ни границами – ибо душа Слида в Море.

Там может он раскинуться под солнцем и улыбаться богам, которые сверху улыбаются Слипду, и быть счастливее тех, кто правит Мирами, тех, чье занятие – Жизнь и Смерть.

Там может он сидеть и улыбаться, или прокрадываться между кораблями, или вздыхать около островов, рассматривая, подобно скряге, свои несметные богатства, россыпи драгоценных камней и жемчуга.

Либо, придя в восторг, Слип вытянет вверх огромные руки или тряхнет гривой спутанных волос, и начнет петь неистовые песни кораблекрушений, и всем телом ощутит собственную разрушительную мощь и власть над морем. Тогда Море, подобно безрассудно смелым легионам, перед началом сражения приветствующим вождем, соберет свои силы под всеми ветрами, и заревет, и запоет, и загрохочет, сметая все на пути по слову Слида, душа которого в море.

Когда легко на душе у Слида, то на море тишь; а когда на море буря, на душе у Слида тревожно, ведь настроение богов изменчиво. Слип бывает во многих местах, ибо он царствует в великой Пегане. Он проходит по долинам, где течет или движется вода; но голос Слида и зов его слышится с моря. И тот, чьих ушей коснется этот зов, бросит все и пойдет, чтобы всегда быть со Слипдом, следовать всем его причудам, и будет идти, пока не достигнет моря. На зов Слида, покинув свои дома на холмах, ушли к морю сотни тысяч людей, и над их костями плачет Слип, подобно богу, оплакивающему свой народ. Даже ручьи в не знающих моря землях, слыша отдаленный зов Слида, покидают луга и рощи, стремясь туда, где Слип собирает свои силы, чтобы радоваться там, где радуется Слип, чтобы петь песнь Слида, петь, даже когда в Конце все Людские Жизни соберутся у ног МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Деяния Мунга(Владыки всех смертей между Пеганой и Пределом)

Однажды, когда Мунг шел по Земле, от города к городу, через долины, встретился ему человек, который испугался, услышав, как Мунг сказал:

– Я Мунг.

И сказал Мунг:

– Разве сорок миллионов лет перед твоим появлением здесь были тебе невыносимы?

И сказал Мунг:

– И следующие сорок миллионов лет будут ничуть не лучше!

Затем Мунг явил ему свое знамение, и Жизнь Человека, освободясь, покинула его члены.

Мунг – в том месте, куда вонзится стрела, и в домах, и в городах Человека. Мунг бывает в любом месте и в любое время. Но больше всего он любит бродить в темноте и в тишине, в речных туманах, когда стихает ветер, незадолго перед тем, как ночь встречается с рассветом на пути между Пеганой и Мирами.

Время от времени Мунг посещает хижину бедняка или склоняется в низком поклоне перед королем. И тогда Жизни бедняка и короля отправляются в путь среди Миров.

И сказал Мунг:

– Множество поворотов у пути, который Киб дал человеку пройти по Земле. За одним из поворотов поджидает Мунг.

Однажды шел человек по пути, что дал ему пройти Киб, и вдруг встретил Мунга. И сказал Мунг:

– Я Мунг!

А человек воскликнул:

– Увы, зачем пошел я по этому пути, ведь если бы я пошел по другому, я бы не встретился с Мунгом.

И ответил Мунг:

– Если бы ты мог пойти по другому пути, тогда все Устройство Вещей было бы иным и другими были бы боги. Когда МАНА-ЙУД-СУШАИ оставит отдых и сотворит новых богов, Они, возможно, пошлют тебя снова в Миров, вот тогда ты сможешь выбрать другой путь и не встретишься с Мунгом.

Затем Мунг явил свое знамение. И Жизнь человека рассталась со своими вчерашними сожалениями, и со старыми горестями, и с оставленными вещами – и отправилась, а куда, то ведомо Мунгу.

А Мунг пошел дальше, верша свои труды, разъединя Жизнь и плоть, и встретил человека, удрученного горем. И сказал Мунг:

– Когда мое знамение заставит Жизнь покинуть тебя, то вместе с нею исчезнет и твое горе.

Но человек воскликнул:

– О Мунг! Повремени немного и не являй мне своего знаменья сейчас, ибо у меня есть семья на Земле и ее горе останется при ней, хотя мое исчезнет от знаменья Мунга.

Ответил на это Мунг:

– Для богов «сейчас» – это Всегда. И не успеет Сиш прогнать множество лет, как горе твоей семьи уйдет вслед за тобой.

Тут глаза человека увидели знамение Мунга, и больше они уже ничего не видели.

Песнь Жрецов

Это песнь Жрецов.

Песнь Жрецов Мунга.

Это песнь Жрецов.

Целый день Жрецы Мунга взывают к Мунгу, но Мунг не внимлет им. Тогда что за толк в молитвах других Людей?

Лучше несите дары Жрецам, дары Жрецам Мунга.

Тогда они станут взывать к Мунгу еще громче, чем прежде.

Быть может, Мунг услышит их.

И тогда Тень Мунга больше не перечеркнет людских надежд.

И тогда След Мунга больше не омрачит людские мечты.

И тогда люди больше не будут расставаться с жизнью из-за Мунга. Несите свои дары Жрецам, дары Жрецам Мунга.

Это песнь Жрецов.

Песнь Жрецов Мунга.

Это песнь Жрецов.

Речения Лимпанг-Танга(бога радости и сладкоголосых музыкантов)

И сказал Лимпанг-Танг:

– Удивительны пути богов. Цветок вырастает и увядает.

Быть может, это очень мудро со стороны богов. Ребенок становится взрослым и через некоторое время умирает. Быть может, это тоже очень мудро.

Но боги играют по удивительным правилам.

Мне нравится приносить в мир шутки и немного радости. И пока Смерть кажется тебе далекой, как пурпурная гряда холмов, а печаль – немислимой, как дожди безоблачным летним днем, молись Лимпанг-Тангу. Но когда ты состаришься, когда станешь умирать, не молись Лимпанг-Тангу, ведь ты тогда будешь частью правил, которых он не понимает.

Выйди на улицу звездной ночью, и с тобой станцует Лимпанг-Танг, который танцует с той поры, когда все боги были молоды; Лимпанг-Танг – бог радости и сладкоголосых музыкантов. Или принеси ему в жертву шутку, но не молись ему, пребывая в печали. Ведь Лимпанг-Танг говорит о печали: «Быть может, это очень мудро со стороны богов», но самому ему этого не понять.

И сказал Лимпанг-Танг:

– Я меньше богов, и потому молись малым богам, а не Лимпанг-Тангу.

Однако между Пеганой и Землей трепещут десять миллионов молитв и бьют крылами в лицо Смерти, но никогда ни из-за одной из них не остановилась рука Разящей и не замедлился шаг Неумолимой.

Молись! И быть может, твоя молитва исполнится, хотя десять миллионов остались без ответа.

Лимпанг-Танг меньше богов, и ему этого не понять.

И сказал Лимпанг-Танг:

– Чтобы людям в великих Мирах не было скучно глядеть в бесконечное небо, я рисую картины на небосводе. И я буду рисовать их дважды в день до скончания дней. Один раз – когда день восстает из чертогов зари – я рисую картины по Лазури, а когда день упадет в ночь – я снова разрисовываю Лазурь, чтобы люди не печалились.

– Это немного, – сказал Лимпанг-Танг, – немного даже для бога, несущего в Миры радость.

Лимпанг-Танг поклялся, что картины, какие он рисует, никогда, до скончания дней, не повторятся, поклялся клятвой богов Пеганы. Боги приносят эту клятву, положив руки на плечи друг другу, Они клянутся светом, сияющим в их глазах, и эта клятва нерушима.

Лимпанг-Танг переманивает мелодию у ручья и утаскивает лесные напевы; для него плачет ветер на пустошах и океан поет погребальные песни.

Лимпанг-Танг слышит музыку в шелесте травы и в голосах людей – плачут ли они или кричат от радости.

На гористых землях далеко от моря, где не ступает ничья нога, он соорудил органные трубы из горных вершин, и когда ветры, его слуги, прилетают с разных концов земли, он сочиняет мелодию Лимпанг-Танга. И песня, возникшая ночью, подобно реке набирает силу и становится слышна то там, то здесь, и когда люди земли слышат ее, то каждый, у кого есть голос, запекает ее в душе своей.

А иногда, в сумерках, невидимый для людей, Лимпанг-Танг неслышными шагами отправляется в далекий край и там, в тех городах, где слышатся песни, встает позади музыкантов и словно дирижирует над их головами: они начинают играть и петь еще усерднее, мелодия

звучит сильнее, радость и музыка наполняют город, но никто не видит Лимпанг-Танга, стоящего позади музыкантов.

Но в рассветном тумане, затемно, когда музыканты спят, а радость и музыка на время стихают, Лимпанг-Танг возвращается назад, в свою гористую страну.

О Йохарнет-Лехее(боге сновидений и фантазий)

Йохарнет-Лехей – бог сновидений и фантазий. Всю ночь он посылает из Пеганы сновидения, чтобы порадовать людей Земли.

Он посылает сновидения и бедняку, и королю. И так спешит послать сны каждому, пока не кончилась ночь, что путает, какой сон бедняку, а какой королю.

Тем, кого не посетит Йохарнет-Лехей со сновидениями, приходится целую ночь слушать издевательский смех богов Пеганы.

Йохарнет-Лехей всю ночь напролет хранит спокойствие городов, хранит до самого рассвета, когда ему пора уходить, когда вновь настает время для игры богов с людьми.

Лживы ли сны и фантазии Йохарнет-Лехея, а То, что случается Днем, истинно, или То, что бывает Днем, – обман, а сны и фантазии Йохарнет-Лехея – чистая правда, не знает никто, кроме МАНА-ЙУД-СУШАИ, *который молчит.*

О Руне, боге Ходьбы, и о сотне домашних богов

Сказал Рун:

– Есть боги движения и боги покоя, а я – бог Ходьбы.

Это благодаря Руну миры не стоят на месте, ведь луны, и миры, и комета пришли в движение от энергии Руна, призывавшего их: «Вперед! Вперед!»

Рун увидел Миры в самом Начале, прежде чем загорелся свет над Пеганой, и танцевал перед ними в Пустоте, – с тех пор они не стоят на месте. Это Рун шлет все ручьи к Морю и все реки направляет к душе Слида.

Это Рун являет знамение Руна перед водами, и – смотрите! – они уже покинули родные холмы; это Рун шепчет на ухо Северному Ветру, что тот не должен стоять на месте.

Если шаги Руна однажды вечером послышатся у стен чьего-либо дома, хозяину дома не знать больше покоя. Перед ним протянется путь через многие земли, лягут долгие мили, а отдых будет ждать его лишь в могиле – и все по слову Руна.

Никаким Горам не удержать Руна, да и моря не препятствие для него.

Куда бы ни пожелал Рун – туда и отправятся его люди, отправятся миры со своими ручьями и ветрами.

Как-то вечером я услышал шепот Руна:

– На Юге есть острова, где воздух благоухает пряностями.

Голос Руна добавил:

– Иди.

И сказал Рун:

– Есть сотня домашних богов, маленьких божков, что сидят перед очагом и присматривают за огнем. Но Рун только один.

Рун шепчет, шепчет, когда никто не слышит, когда солнце стоит низко:

– Чем занят МАНА-ЙУД-СУШАИ?

Рун не из тех богов, которым ты стал бы поклоняться, не из тех, кто будет благосклонен к твоему дому.

В жертву Руну принеси тяжелый труд, принеси свою быстроту, фимиамом же станет поднимающийся дым лагерного костра на Юге, а песнопениями – звуки шагов. Храмы Руна стоят позади самых дальних холмов в его землях, что дальше Востока.

«Йаринарет, Йаринарет, Йаринарет, что означает Дальше!» – эти слова золотыми буквами высечены на арке главного портала храма Руна, обращенного фасадом к Морю, к Востоку. На храме высится статуя Руна, великана-трубача, и труба его указывает на Восток, за Моря.

Кто услышит вечером голос Руна, тот сразу же оставит домашних божков, сидящих у очага. Вот боги домашнего очага: Питсу, что гладит кошку; Хобиф, что успокаивает пса; Хабания, повелитель рдеющих углей; маленький Зумбибу, властелин пыли; и старик Грибаун, который сидит в самом огне и превращает древесину в золу, – все это домашние боги, они живут не в Пегане, а ростом они меньше Руна.

Еще есть Кайлулуганг, которому послушен дым, поднимающийся к небу. Он направляет дым очага прямо в небеса и радуется, когда дым достигает Пеганы, а боги Пеганы, беседуя друг с другом, замечают:

– Вон Кайлулуганг трудится вовсю на земле Кайлулуганга.

Все это небольшие боги, ростом меньше человека, прекрасные домашние боги; и люди часто молились Кайлулугангу:

– Ты, чей дым достигает Пеганы, отошли с ним наши молитвы, чтобы боги услышали их.

И Кайлулуганг, довольный, что его просят, вытягивается вверх, серый и длинный, закинув руки за голову, и посылает слугу своего, дым, до самой Пеганы, чтобы боги Пеганы знали, что люди молятся им.

А Джейбим – Повелитель сломанных вещей – сидит позади дома и оплакивает то, что выбросили. И он будет сидеть, горюя о сломанных вещах, до скончания миров или пока не придет кто-нибудь и не починит сломанное. Иногда он оказывается на берегу реки, проливая слезы о потерянных, уносимых рекою вещах.

Джейбим добрый бог, сердце его скорбит о любой потере.

Существует еще Трибуги, Властелин Сумерек, дети которого – тени. Он сидит в уголке, подальше от Хабании, и ни с кем не разговаривает. Но когда Хабания уляжется спать, а старик Грибаун моргнет раз сто, так что уж и не разобрать, где дерево, а где зола, тогда Трибуги разрешает своим детям побегать по комнате и поплясать на стенах, но только не нарушая тишины.

Но когда свет вновь восходит над Мирами, а заря, танцуя, спускается из Пеганы, Трибуги возвращается в свой угол, собрав вокруг себя детей, будто они никогда не плясали по комнате. А рабы Хабании и старика Грибауна, спящих в очаге, приходят, чтобы разбудить их, и Питсу принимается гладить кошку, а Хобиф успокаивает пса. Кайлулуганг же протягивает руки вверх, к Пегане, а Трибуги сидит тихо, и дети его спят.

* * *

Когда наступает темень, когда приходит время Трибуги, из леса прокрадывается Хиш, Властелин Тишины, дети которого, летучие мыши, нарушая приказы отца, кричат, хотя голос их всегда негромок. А Хиш утихомиривает мышонка, утишает все шепоты ночи, заставляет смолкнуть все шумы. Только сверчок восстает против Хиша. Но Хиш наложил на него заклятие: как только сверчок пропоет свою песню в тысячный раз, голос его становится неслышимым, сливается с тишиной.

Заглушив все звуки, Хиш кланяется низко, до земли; тогда в дом беззвучными шагами входит Йохарнет-Лехей.

Но как только Хиш уйдет из леса, там появляется Вухун, Повелитель Ночных Шорохов, который, проснувшись в своем логове, вылезает и крадет по лесу, проверяя, правда ли, что Хиш ушел.

И вот на какой-нибудь поляне Вухун издает крик, он кричит во весь голос, и ночь кругом слышит, что вот он, Вухун, царит повсюду в лесу. Тогда волк, и лиса, и сова, большие и малые звери тоже издадут крики, вторя Вухуну. И слышатся их голоса и шорох листьев.

Бунт речных божеств

С незапамятных времен по равнине текли три широкие реки; матерями их были три седые вершины, а отцом – ураган. Назывались они Эймес, Зейнес и Сегастрион. Воды Эймеса приносили радость мычащим стадам; Зейнес подставлял шею под ярмо, которым обуздал его человек, и нес на себе спиленные деревья от самого леса далеко за горы; а Сегастрион пел старые песни мальчикам-пастушкам: песни о своем детстве в уединенном ущелье, о том, как однажды он сбежал по склону горы и отправился вдаль по равнине посмотреть на мир и как он наконец добрался до моря. Это были равнинные реки, и равнина радовалась им. Но старики рассказывают, что их отцы слышали от своих предков, будто однажды властители равнинных рек взбунтовались против закона Мирав, и вышли из берегов, слились вместе, и хлынули в города, и утопили множество людей, говоря при этом:

– Мы теперь играем в игру богов и топим людей ради своего удовольствия, мы выше богов Пеганы.

Вся равнина была залита до самых холмов.

А Эймес, Зейнес и Сегастрион уселись на горах и вытянули руки над своими реками, и реки восстали по их приказу.

Но людские молитвы, возносясь, достигли Пеганы, достигли слуха богов:

– Три речных божества топят нас ради Своего удовольствия, говорят, что они выше богов Пеганы, и играют в Собственную игру с людьми.

Боги Пеганы разгневались, но не знали, как покарать властителей трех рек, потому что те тоже были бессмертными, хотя и малыми, богами.

А речные боги простирали над водами руки, широко расставив пальцы, и вода поднималась все выше, и шум потоков раздавался все громче:

– Разве мы не Эймес, Зейнес и Сегастрион?

Тогда Мунг отправился в пустыни Африки и пришел к вечно мучимому жаждой Амбулу, сидевшему на черных скалах, крепко вцепившись в человеческие кости и дыша жаром.

Мунг встал перед ним, глядя, как поднимаются и опускаются под спекшейся кожей бока; даже когда Амбул втягивал в себя воздух, его горячее дыхание жгло валявшиеся по пустыне кости и сухие палки.

И сказал Мунг:

– О друг Мунга! Пойди и улыбнись в лицо Эймесу, Зейнесу и Сегастриону, чтобы они поняли, разумно ли бунтовать против богов Пеганы.

Амбул ответил:

– Я повинуюсь, Мунг.

И Амбул пришел и уселся на холме по другую сторону разлившихся вод и оттуда ухмыльнулся, глядя на восставших речных богов.

А когда Эймес, Зейнес и Сегастрион простерли руки над своими реками, то увидели над зеркалом вод ухмылку Амбула. Ухмылка эта была подобна смерти в ужасных и жарких краях, боги отдернули руки и больше не простирали их над реками, и вода стала понижаться.

Так Амбул просидел, ухмыляясь, тридцать дней, и реки вернулись в прежние русла, а властители их ускользнули в свои жилища. Но Амбул все ухмылялся.

Тогда Эймес нашел себе убежище в большом пруду под скалой, а Зейнес заполз в лес, а Сегастрион, тяжело дыша, растекся по песку – но Амбул все сидел и ухмылялся.

И Эймес оскудел и был позабыт, и люди, жившие на равнине, говаривали: «Здесь когда-то протекал Эймес»; а Зейнесу едва хватило сил вывести свою реку к морю. Сегастрион же, тяжело дыша, лежал на песке и, когда прохожий перешагнул через него, произнес:

– Нога человека прошла по моей шее, а я-то считал себя выше богов Пеганы.

Тогда сказали боги Пеганы:

– Достаточно. Мы – боги Пеганы, и нет нам равных.

И Мунг отослал Амбула обратно в Африку, вновь дышать жаром на скалы, иссушать пустыню, выжигать клеймо Африки в памяти тех, кто сумел унести оттуда ноги.

А Эймес, Зейнес и Сегастрион вновь запели свои песни и потекли по привычным руслам, играя в Жизнь и Смерть с рыбами и лягушками, но никогда больше не пытались играть с человеком, как боги Пеганы.

О Дорозанде(чьи глаза видят Конец)

Дорозанд сидит высоко над людскими жизнями и смотрит, какими они будут.

Дорозанд – это бог Судьбы. На кого Дорозанд устремит взгляд, тот двинется прямо к неминуемому концу; станет стрелой лука Дорозанда, пущенной в мишень, ему самому невидимую, – в цель Дорозанда. За пределы человеческой мысли, за пределы взгляда богов смотрят глаза Дорозанда.

Он отобрал себе рабов. Бог Судьбы посылает их куда ему нужно, и они спешат, не зная зачем и куда, под ударами его бича или на его призывный крик.

Существует некая цель, которую Дорозанд должен достичь, поэтому он заставляет людей во всех Мирах действовать, не останавливаясь и не отдыхая. А боги Пеганы переговариваются между собой, гадая:

– Чего же хочет достичь Дорозанд?

Предначертано и предсказано, что не только людские судьбы предоставлены попечению Дорозанда, но и что боги Пеганы не могут ослушаться его воли.

Все боги Пеганы боятся Дорозанда, ибо по глазам его видят, что он смотрит дальше богов.

Смысл и жизнь Миров – это Жизнь в Мирах, а Жизнь – средство для достижения цели Дорозанда.

Поэтому Миры движутся, и реки текут в море, и Жизнь возникла и распространилась по всем Мирам, и боги Пеганы совершают свои труды – и все ради Дорозанда. Но когда Дорозанд достигнет цели, Жизнь в Мирах станет ненужной и не будет больше игры для малых богов. Тогда Киб потихоньку, на цыпочках, пройдет по Пегане к тому месту, где отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ, и, почтительно коснувшись его руки, руки, создавшей богов, скажет:

– МАНА-ЙУД-СУШАИ, твой отдых был долгим.

А МАНА-ЙУД-СУШАИ ответит:

– Не таким уж долгим, ведь я отдыхал всего пятьдесят божественных вечностей, а за каждую из них в Мирах, которые вы сотворили, проходит едва ли больше десяти миллионов смертных лет.

Тут испугаются боги, поняв, что МАНА знает, как, пока он отдыхал, они создали Миры. И скажут:

– Нет, все Миры появились сами.

Тогда МАНА-ЙУД-СУШАИ легко, будто отгоняя что-то надоевшее, взмахнет рукой – рукой, некогда создавшей богов, – и богов не станет.

* * *

Когда на севере зажгутся три луны над Неизменной Звездой, три луны, что не прибывают и не убывают, а лишь не сводят глаз с Севера.

И комета прекратит свои поиски и остановится, перестанет летать среди Миров, успокоится, словно тот, кто уже все нашел, но затем оставит отдых, потому что наступит КОНЕЦ, конец всему, что осталось от старинных времен, даже МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Тогда Время не будет больше Временем; и может случиться, что прежние, ушедшие дни вернуться из-за Предела. А мы, те, кто оплакивает минувшие дни, вновь увидим их, подобно путнику, возвратившемуся из долгих странствий домой и очутившемуся среди милых, памятных вещей.

Ведь про МАНА, который так долго отдыхал, никто не знает, жесток он или милостив. Может оказаться, что он милостив, и тогда все так и произойдет.

Око в Пустыне

За Бодраганом, городом, где кончается караванный путь, лежат семь пустынь. Дальше ничего нет. В первой пустыне видны следы великих путешественников, ведущие от Бодрагана в пустыню, и совсем немного следов, ведущих обратно. А в другой пустыне есть только следы туда, а обратных нет.

В третьей пустыне нога человека не ступала. Четвертая пустыня песчаная, пятая пыльная, шестая – каменная, а седьмая – Пустыня Пустынь.

Посреди последней пустыни, лежащей за Бодраганом, посреди Пустыни Пустынь, стоит изваяние, которое в старинные времена было вырублено из горы, и зовется оно Рейнорад. Это Око в Пустыне.

У подножия Рейнорада вырезаны таинственными буквами, которые по ширине превосходят русла рек, такие слова:

Богу, который знает.

Поскольку за второй пустыней человеческих следов нет и поскольку во всех семи лежащих за Бодраганом пустынях нет воды, туда не мог добраться человек, чтобы вырезать изваяние из горы, значит Рейнорад создан руками богов. В Бодрагане, где кончается караванный путь и отдыхают погонщики верблюдов, рассказывают, что однажды боги, стуча целую ночь молотками где-то далеко в пустынях, вырезали Рейнорада из горы. Более того, утверждают, что Рейнорад изваян как изображение бога Худразей, открывшего тайну МАНА-ЙУД-СУШАИ и узнавшего, для чего созданы боги.

Говорят, Худразей держится отдельно от всех в Пегане и ни с кем не разговаривает, поскольку знает то, что скрыто от богов.

Поэтому боги создали его изваяние в пустынном краю, изваяние того, кто думает и молчит, – Око в Пустыне.

Говорят, Худразей услышал, как МАНА-ЙУД-СУШАИ бормотал себе под нос, и уловил смысл, и узнал; говорят, что он был богом радости и веселья, но с того момента, как стал знать, утратил веселье; таково же и его изображение, глядящее на пустыню, где нет ни одного человеческого следа.

И погонщики верблюдов, что сидят и слушают рассказы стариков на базаре в Бодрагане по вечерам, пока отдыхают верблюды, говорят так:

– Раз Худразей так мудр и при этом так печален, давайте выпьем вина, а мудрость пусть убирается прочь, в пустыни, что лежат за Бодраганом.

Поэтому в городе, где кончается караванный путь, царит веселье и всю ночь слышится смех.

Все это рассказывают погонщики верблюдов, вернувшись с караванами из Бодрагана; но кто поверит рассказам погонщиков верблюдов, услышанным от стариков в далеком городе?

О том, кто не был ни богом, ни чудовищем

Видя, что в городах нет мудрости, а в мудрости нет счастья, Йадин, пророк, которому богами было предназначено посвятить жизнь поискам мудрости, отправился с караванами в Бодраган. Как-то вечером, когда верблюды отдыхали, когда жаркий дневной ветер отступал вглубь пустыни, на прощание вздыхая в пальмах и оставляя караваны в покое, Йадин послал с ветром вопрос Худразею, чтобы ветер отнес его в пустыню.

И слова понеслись вместе с ветром:

– Почему продолжают боги существовать и играть в свою игру с людьми? Почему Скарл не перестает барабанить, а МАНА все отдыхает?

А семь пустынь откликнулись эхом:

– Кто знает? Кто знает?

Но за семью пустынями, там, где высится в сумерках огромный Рейнорад, его вопрос был услышан, и туда, где раздался вопрос пророка, прилетели три фламинго, при каждом взмахе крыльев вскрикивавшие:

– Спешите на Юг! Спешите на Юг!

Когда они очутились рядом с пророком, он ощутил исходившую от них свободу и прохладу в жаркой, ослепляющей пустыне и протянул к ним руки. И почувствовал, как чудесно лететь вслед за белыми большими крыльями в прохладе над жаркой пустыней. Йадин слышал их голоса над собою: «Спешите на Юг! Спешите на Юг!» – а пустыни внизу откликались: «Кто знает? Кто знает?»

Иногда земля тянулась к ним горными вершинами, иногда уходила вниз глубокими ущельями, реки пели, когда они пролетали над их синевой, слабо доносилась мелодия ветра из заброшенных садов, а вдалеке море торжественно оплакивало старые забытые острова. И казалось, в целом мире все движется только к Югу.

Казалось, сам Юг призывал к себе всех, и все шли.

Но когда пророк увидел, что они пролетели над краем Земли и что далеко на Севере осталась Луна, он догадался, что следует не за земными птицами, а за некими удивительными вестниками Худразея, чье жилище находится в одной из долин Пеганы, у подножия гор, на которых восседают боги.

Они продолжали лететь на Юг мимо всех миров, оставляя их за собою, пока впереди не оказались лишь Араксес, Задрес и Хираглион. Отсюда огромная Ингази казалась лишь светлой точкой, а Ио и Миндо больше не были видны.

Они продолжали лететь на Юг, пока он не остался внизу, а они не оказались у Предела Миров.

Здесь не было ни Юга, ни Востока, ни Запада, только Север и За Пределами: к Северу лежали Миры, а За Пределами начиналось Безмолвие, а сам Предел представлял собой массу скал, которую боги не использовали, когда создавали Миры. На ней сидел Трогул – не бог и не чудовище. Трогул не выл и не дышал, он только переворачивал страницы огромной книги, черные и белые, черные и белые, переворачивал и будет переворачивать дальше, пока не дойдет до КОНЦА.

Все то, что должно случиться, записано в этой книге, как и все то, что уже случилось.

Когда Трогул переворачивает черную страницу – наступает ночь, когда белую – приходит день.

Там написано все про тебя и меня, вплоть до той страницы, на которой наши имена уже больше не появляются.

Пока пророк наблюдал, Трогул перевернул страницу – черную, – и ночь прошла, и над Мирами засиял день.

В разных странах Трогула называют разными именами, он сидит позади богов, а книга его – Устройство Вещей.

Когда Йадин увидел, что прежние, памятные ему дни оказались в той части, которую Трогул уже пролистал, что тысячу страниц назад на одной из страниц было написано имя, которое с тех пор не появлялось, он обратился с мольбой к Трогулу (который только переворачивает страницы и не отвечает ни на какие мольбы). Он взмолился, глядя прямо Трогулу в лицо:

– Только перелистай назад страницы, пока на них не окажется написанным имя, которое больше не появляется, – и страшно далеко, в мире, именуемом Землей, люди будут восславлять имя Трогула. Ведь место, именуемое Землей, действительно существует, и люди там будут молиться Трогулу.

Тогда произнес Трогул, переворачивающий страницы и оставляющий без ответа мольбы, и его голос был похож на шорохи ночью в пустыне, когда не слышно эхо:

– Если бы даже вихрь с Юга вцепился когтями в уже перевернутую страницу, то и он не был бы в силах перевернуть ее назад.

Затем, ибо так было написано в книге, Йадин снова очутился в пустыне. Он лежал на песке, а один из погонщиков дал ему воды и затем отвез его на верблюде в Бодраган.

Некоторые считают, что Йадину все это привиделось, когда он уснул, измученный жаждой и истомленный переходом по пустыне. Но старики в Бодрагане говорят, что где-то и в самом деле сидит Трогул, не бог и не чудовище, и переворачивает страницы книги, черные и белые, черные и белые, пока не дойдет до слов МЕИ ДУН ИЗАН, что означает «Конец Всему», и тогда не станет ни книги, ни богов, ни миров.

Пророк Йонаф

Йонаф был первым из пророков, говоривших пред народом.

Вот слова Йонафа, первого из пророков:

В Пегане обитают боги.

Ночью спал я. И во сне явилась мне Пегана. И была она полна богов.

Только МАНА-ЙУД-СУШАИ я не видел. И в этот час – час сна – обрел я знание. Вот конец и начало моего знания и все мое знание как оно есть: Человек Ничего Не Знает.

Ищи в ночи границу мрака или ищи, где рождается радуга, когда повисает она над холмами, только не тщиись объяснить дела богов.

Боги сделали Вещи, Которые Будут, более яркими, оттого они соблазняют людей сильнее, чем Вещи, Которые Есть.

А для самих богов Вещи, Которые Будут, и Вещи, Которые Есть, – одно, и в Пегане все неизменно.

Боги хотя и не милостивы, однако и не жестоки. Они уничтожают Дни, Минувшие во славу Дней Грядущих.

Должно человеку с терпением сносить тяготы Дней Нынешних, а в утешение боги даровали ему незнание.

Не ищи знания. Оно ослабит тебя, и когда под конец ты окажешься там же, откуда начал свой путь, силы твои будут на исходе.

Не ищи знания. Даже я, Йонаф, старейший из пророков, согнулся под бременем мудрости и изнемог от поисков, а знаю лишь то, что человек ничего не знает.

Некогда стремился я познать все на свете, теперь же я знаю лишь одно, и скоро годы унесут меня прочь. Когда Йонаф перестанет быть Йонафом, множество людей пойдет моим путем, который ведет лишь к новым поискам. Не вступай же на этот путь. Не ищи знания.

Таковы Слова Йонафа.

Пророк Йуг

Когда Годы унесли Йонафа, умер Йонаф, и не стало пророка у людей.

Но люди по-прежнему искали знаний. И сказали они Йугу:

– Будь нашим пророком, познай все на свете и объясни нам причину Всего.

И Йуг ответил:

– Мне известно все.

И люди были довольны. И Йуг сказал о Начале, что оно в саду у Йуга, а о Конце – что он в пределах его зрения. И люди забыли Йонафа.

Однажды Йуг увидел за холмами Мунга, тот явил свое знамение. И Йуг перестал быть Йугом.

Пророк Алхирет-Хотеп

После того как Йуг перестал быть Йугом, народ сказал Алхирет-Хотепу:

– Будь нашим пророком, столь же мудрым, как Йуг.

И Алхирет-Хотеп ответил:

– Я столь же мудр, как Йуг.

И народ остался весьма доволен. И сказал Алхирет-Хотеп о Жизни и Смерти: «Это дела Алхирет-Хотепа». И люди принесли ему дары.

Однажды Алхирет-Хотеп записал в книге: «Алхирет-Хотеп знает Все, ибо он говорил с Мунгом». Тогда Мунг выступил вперед, явил свое знамение и сказал:

– Так ты Все знаешь, Алхирет-Хотеп?

И Алхирет-Хотеп очутился среди Вещей, Которые Были.

Пророк Кабок

После того как Алхирет-Хотеп очутился среди Вещей, Которые Были, люди по-прежнему искали знания, и сказали они Кабоку:

– Будь столь же мудрым, как Алхирет-Хотеп.

И сделался Кабок мудрым в своих глазах и в глазах народа. И объявил Кабок:

– Мунг являет свое знамение или воздерживается от него по совету Кабока.

И сказал он одному человеку:

– Ты согрешил против Кабока, и скоро Мунг явит тебе свое знамение.

И другому:

– Ты принес дары Кабоку, и Мунг повременит со своим знамением.

Однажды ночью Кабок, разжиревший на дарах, услышал поступь Мунга, который ходил по саду Кабока вокруг его дома.

И оттого, что ночь была тиха, Кабок встревожился, что Мунг бродит по саду, не спрося у него совета.

И Кабок, знавший Все, преисполнился страха, ибо шаги звучали очень громко, а ночь была тиха, и он не знал, что у Мунга за спиной, – этого никто не видел.

Когда настало утро и на Миры излился свет, Мунг перестал шагать по саду, и Кабок, забыв о своих страхах, сказал:

– Быть может, табун лошадей забрел в мой сад.

И возвратился Кабок к своим трудам. А полагалось ему Все знать, возвещать обо всем народу и возжигать огонь Мунгу. Но в следующую ночь Мунг снова бродил по саду Кабока, он приблизился к его дому и встал у окна, как тень, и понял тогда Кабок, что это точно Мунг.

И от великого страха сжалось горло у Кабока, поэтому, когда он выкрикнул: «Ты – Мунг!» – голос его звучал хрипло.

А Мунг наклонил слегка голову и снова принялся разгуливать по саду Кабока вокруг его дома.

И Кабок лежал и слушал со страхом в сердце. Когда же настало второе утро и на Миры излился свет, Мунг перестал бродить по саду Кабока, и очень скоро в сердце Кабока проснулась надежда, но он со страхом ожидал третьей ночи.

И вот настала третья ночь, и летучая мышь вернулась в свой дом, и ветер замер, и ночь была тиха. Кабок же лежал и слушал, и крылья ночи двигались для него очень медленно. Но прежде, чем ночь и утро встретились на Пути меж Пеганой и Мирами, в саду Кабока раздался шаг Мунга, который направлялся к дверям Кабока.

И кинулся Кабок вон из дома, как преследуемый зверь, и предстал перед Мунгом.

И Мунг явил ему свое знамение, указав путь к Концу.

И страхи больше не терзали Кабока, ибо они вместе с ним оказались среди Вещей, Которые Были.

О беде, что приключилась с Йун-Иларой у моря, и о строительстве Башни Исхода Дней

Когда Кабок почил вместе со своими страхами, народ стал искать пророка, который не боялся бы Мунга, поднимающего руку на пророков.

И наконец нашли Йун-Илару, который пас овец и не боялся Мунга, и привели его в город, чтобы он сделался пророком.

И выстроил Йун-Илара башню у моря, которая смотрела на закат Солнца. И нарек ее Башней Исхода Дней.

И на исходе каждого дня взбирался Йун-Илара на вершину башни, глядел на закат Солнца и громко хулил Мунга:

– О Мунг, поднимающий руку на Солнце, люди тебя ненавидят, но поклоняются тебе из страха; вот здесь стоит и говорит Йун-Илара, не знающий боязни. Душегуб, вдохновитель убийств и черных дел, безжалостный и мерзкий, яви мне знамение Мунга, но знай: покуда тишина не сойдет на мои уста, я буду выкрикивать оскорбления тебе в лицо.

И люди внизу глядели и удивлялись на Йун-Илару, не боящегося Мунга, и приносили ему дары; лишь с наступлением ночи они смиренно молились Мунгу в своих домах.

Но Мунг сказал:

– Разве может человек оскорбить бога?

И Мунг заходил в людские жилища и собирал свою жатву.

Шли дни, Йун-Илара в своей башне у моря по-прежнему выкрикивал поношения Мунгу, но Мунг не приходил к нему.

А Сиш, гуляя по Мирам, кликнул своего пса-Время, истребил отслужившие свое Часы и, вызвав из пустыни за Мирами полчища новых Часов, послал их сражаться со всем, что есть на свете. И Сиш убелил Йун-Иларе волосы, покрыл его лицо морщинами и обвинил плющом его башню, а Мунг все не шел.

И хотя поначалу Сиш был не слишком суров, Йун-Илара перестал выкрикивать с башни поношения Мунгу, и наконец настал день, когда дар Киба тяжким бременем лег на плечи Йун-Иларе.

Тогда с Башни Исхода Дней возопил Йун-Илара:

– О Мунг! О прекраснейший из богов! Нет тебя желаннее! Твой дар, дар Смерти, вновь соединяет нас с Землей, несет покой и забвение. Киб дарит лишь заботы и труды; Сиш вместе с каждым из часов, что сражаются с Миром, посылает сожаление. Йохарнет-Лехей больше не приходит ко мне по ночам. И мало мне радости от Лимпанг-Танга. Когда от человека отвернутся боги, с ним остается только Мунг.

Но Мунг сказал:

– Разве может человек оскорбить бога?

И весь день и всю ночь громко вопил Йун-Илара:

– Ах, как бы мне хотелось дожидаться траурного дня, красивых венков, и слез, и темной влажной земли. Ах, как приятно покоиться там, где шелестит над головой трава, где корни деревьев оплетают мир, где нет пронизывающего ветра, где в темноте теплый дождь сочится сквозь землю, а не хлещет с небес, где кости легко рассыпаются в прах.

Так молился Йун-Илара, который по молодости лет в своем безумии поносил Мунга.

У рухнувшей башни, которую когда-то выстроил Йун-Илара, и сейчас лежит горстка костей, а ветер разносит громкие мольбы о милости, если таковая есть на свете.

О том, как боги погубили долину Сидифь

В долине Сидифь стоял стон. Ибо три года там свирепствовала чума, не прекращалась война, а в последний из трех лет случился голод. Люди в долине Сидифь умирали днем и ночью, и днем и ночью в храме Всех богов, кроме Одного (ибо никто не смеет молиться МАНА-ЙУД-СУШАИ), усердно возносили молитвы жрецы.

Они говорили:

– Бывает, человек, хотя он и слышит жужжание насекомых, не сразу его замечает. Так и боги пока не слышат наших молитв, но если молитвы будут непрерывно нарушать тишину, то, может статься, кто-то из богов, гуляя по лугам Пеганы, набредет на одну из наших молитв, что бьется в траве, словно бабочка с помятыми крыльями. И если боги будут к нам милостивы, они облегчат нашу участь, а если нет, сотрут нас с лица земли, ибо нрав их изменчив, и тогда в долине Сидифь не будет больше скорбей: ни чумы, ни смерти, ни войны.

Но на четвертый год чумы и на второй год голода – а надо сказать, что война там ни на миг не прекращалась, – все жители долины Сидифь собрались у дверей храма Всех богов, кроме Одного, куда имеют право входить одни жрецы, – лишь для того, чтобы оставить дары и удалиться.

И жители долины спросили:

– О Верховный Пророк Всех богов, кроме Одного, Жрец Киба, Жрец Сиша и Жрец Мунга, Тот, кому ведомы тайны Дорозанда, Получатель людских даров и Господин Молитвы, что ты делаешь в храме Всех богов, кроме Одного?

И Арб-Рин-Хадит, Верховный Пророк, ответил:

– Я молюсь за весь Народ.

Но народ сказал:

– О Верховный Пророк Всех богов, кроме Одного, Жрец Киба, Жрец Сиша и Жрец Мунга, Тот, кому ведомы тайны Дорозанда, Получатель людских даров, Господин Молитвы, уже четыре года возносишь ты молитвы вместе со всеми твоими служителями, мы же приносим дары и умираем. Но так как боги не услышали тебя за все четыре страшных года, ты должен пойти и донести до них мольбу народа долины, когда они пошлют гром на гору Агринон, иначе в рассветный час не будет даров у дверей твоего храма, даров, которыми кормишься ты со своими служителями.

Предстань пред их лицом и скажи: «О Все боги, кроме Одного, Властители Миров, Повелители затмения, изгоните чуму из долины Сидифь, ибо вы слишком долго играли с ее народом, и он готов отречься от богов».

Тогда в великом страхе отвечал Верховный Пророк:

– А что, если боги разгневаются и погубят Сидифь?

Но люди сказали:

– Мы все равно погибнем от чумы, голода и войны.

Той ночью гром гремел над Агриноном, что высится над всеми другими горами в Сидифи. И люди вывели Арб-Рин-Хадита из храма и послали его к Агринону со словами: «Сегодня на гору явятся Все боги, кроме Одного».

И Арб-Рин-Хадит, трепеща от страха, отправился к богам.

На следующее утро вернулся Арб-Рин-Хадит в долину, бледный от страха, и так сказал народу:

– Лица богов из железа, а уста тесно сомкнуты. Не будет вам пощады от богов.

Тогда сказал народ:

– Иди к МАНА-ЙУД-СУШАИ, которому нельзя молиться. Ищи его перед рассветом на вершине Агринона. Там в этот час царит покой, и там же, верно, отдыхает МАНА-ЙУД-

СУШАИ. Отправляйся к нему и скажи: «Ты создал злых богов, они погубят Сидифь». Быть может, он забыл о своих богах или не слышал о Сидифи. Тебя не поразил Божественный гром, не поразит и покой МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Перед рассветом, когда небо и озера ясны и мир покоен, а Агринон еще покойнее, Арбрин-Хадит поплелся в страхе к склонам Агринона, ибо народ понуждал его.

Весь день люди наблюдали за тем, как он взбирается по уступам. Ночью он отдыхал у вершины. Наутро тот, кто поднялся рано, видел его в тишине – крохотная фигурка на фоне неба протягивает руки к МАНА-ЙУД-СУШАИ. Затем он внезапно исчез, и больше его никто не видел – того, кто посмел потревожить покой МАНА-ЙУД-СУШАИ.

* * *

Рассказывают, что на Сидифь напало могучее и жестокое племя, истребившее всех жителей долины, где некогда стоял храм Всех богов, кроме Одного, в котором не было верховного жреца.

О том, как Имбон стал в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного

Имбону предстояло стать в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного. И в Арадек, в храм Всех богов, кроме Одного, явились все Верховные Пророки Земли из Ардры, Рудры и дальних земель.

И поведали они Имбону, что Тайна Вещей начертана на своде Чертога Ночи, но неразборчиво и на неведомом языке.

Среди ночи, меж заходом и восходом солнца, привели они Имбона в Чертог Ночи и спросили нараспев:

– Имбон, Имбон, Имбон, взгляни на купол, где начертана Тайна Вещей, но неразборчиво и на неведомом языке.

И поглядел Имбон вверх, но темнота в Чертоге Ночи была так глубока, что он не видел даже Верховных Пророков, пришедших из Ардры, Рудры и дальних земель, и вообще не видел ничего.

И когда спросили Верховные Пророки:

– Имбон, что ты видишь?

Имбон ответил:

– Ничего.

Тогда спросили Верховные Пророки:

– Имбон, что ты знаешь?

И Имбон ответил:

– Ничего.

Тогда сказал Старейшина Верховных Пророков, главный из пророков Всех богов, кроме Одного:

– О Имбон! Все мы глядели на купол Чертога Ночи, пытаясь разгадать Тайну Вещей, и всегда было темно, а Тайна была начертана неразборчиво и на неведомом языке. Теперь ты знаешь то, что знают все Верховные Пророки.

И Имбон повторил:

– Теперь знаю.

И стал Имбон в Арадеке Верховным Пророком Всех богов, кроме Одного, и молился за всех людей, которые не знали, что в Чертоге Ночи темно, а Тайна начертана неразборчиво и на неведомом языке.

Вот слова Имбона, которые он записал в книгу, чтобы все люди могли узнать о том, что с ним было:

«В двадцатую ночь девятисотой луны, когда долину окутал мрак, я, как всегда, свершал тайные обряды в честь каждого из храмовых богов, чтоб ни один из них не прогневался ночью и не покарал нас, пока мы спим.

И вслед за тем, как прозвучало последнее из тайных слов, меня объял сон, ибо я изнемог. И вот, пока я крепко спал, а голова моя покоилась на алтаре Дорозанда, в храм вошел Дорозанд в облике человека, коснулся моего плеча, и я пробудился.

Когда я увидел, что глаза его горят голубым огнем, освещая весь храм, я понял, что он бог, хотя и в человеческом обличье.

И Дорозанд сказал:

– Пророк Дорозанда, расскажи об этом людям.

И указал мне путь Сиша, уходящий далеко в грядущие века. Затем он повелел мне встать и следовать за ним, но говорил со мной не с помощью слов, а приказывал глазами. И на двадцатую ночь девятисотой луны отправился я вместе с Дорозандом по пути Сиша в грядущие

века. И по обе стороны пути люди непрестанно убивали друг друга. И урон от этих убийств был больше, нежели от чумы или других бедствий, посылаемых богами.

И города поднимались и обращались в прах, и всюду пустыня возвращалась на прежнее место и скрывала селения, потревожившие ее покой.

И люди по-прежнему убивали людей. И наконец оказался я там, где люди более не налажи ярма на животных, а сделали себе зверей из железа. И после этого люди стали убивать людей туманом. И так как убийство превзошло всякую меру, на Земле настал мир, принесенный рукою убийцы, и люди больше не убивали друг друга. И множились города, и захватили пустыню, и потревожили ее покой.

И вдруг я почувствовал, что близок КОНЕЦ, ибо Пегана пришла в движение, словно проснулся Некто, устав от отдыха. И видел я, как пес-Время изготовился к прыжку, глядя богам на горло, переводя взгляд с одного горла на другое, а барабанная дробь Скарла звучала чуть слышно.

И если богам ведом страх, то страх исказил лик Дорозанда, и Дорозанд сжал мне руку и повел назад по дороге Времени, чтобы я не увидал КОНЦА.

И видел я, как города вновь встают из праха и вновь обращаются в пустыню, из которой поднялись. И я опять спал в храме Всех богов, кроме Одного, а голова моя покоилась на алтаре Дорозанда.

* * *

И в храме снова стало светло, но не от глаз Дорозанда, а просто с востока пришел голубой рассвет и озарил своды. Тогда, восстав ото сна, свершил я утренние обряды и таинства Всех богов, кроме Одного, чтобы ни один из богов не прогневался и не забрал от нас Солнце.

И оттого, что я не видел КОНЦА, хотя и был весьма близко, я понял, что не должно человеку видеть гибель богов или знать о ней. Это боги скрыли от наших глаз».

О том, как Имбон повстречался с Зодраком

Пророк богов лежал у реки и глядел на бегущий поток. И, лежа на берегу, размышлял об Устройстве Вселенной и о деяниях богов. И подумалось пророку, что Устройство Вселенной было верным и боги были милостивы, однако в Мирах царил скорбь. И еще подумалось ему, что Киб щедро раздает свои дары, и Мунг несет покой всем страждущим, и Сиш не слишком сурово распоряжается Часами – боги были благосклонны, однако в Мирах царил скорбь.

Тогда сказал пророк богов, глядя на бегущий поток:

– Верно, существует еще какой-нибудь бог, о котором в книгах ничего не сказано.

И тут пророк заметил на берегу реки старца, который горестно восклицал:

– Увы мне, увы!

Годы оставили след на его лице, но телом он был еще крепок. Вот слова пророка, записанные им в книге.

«Спросил я:

– Кто ты, который горестно восклицает на берегу реки?

И он ответил:

– Я – глупец.

Я возразил:

– На лбу у тебя печать мудрости, той, что хранится в книгах.

И он сказал:

– Я Зодрак. Тысячи лет назад я пас овец на холме у моря. Нрав богов изменчив. Тысячи лет назад они были веселы. Боги сказали: „Давайте позовем к Нам наверх человека, чтобы смеяться над ним в Пегане“.

Они забрали меня от овец, что паслись на холме у моря. Подняли выше грома. Поставили меня, простого пастуха, пред собой и смеялись. Но не так, как смеются люди, а со строгими глазами.

И глаза Их, глядевшие на меня, видели не только меня, но Начало и КОНЕЦ и все Миры вокруг. Потом сказали боги, говоря со мной так, как говорят они меж собой: „Иди, возвращайся назад к своим овцам“.

Но я, глупец, когда-то слышал на Земле, что человек, увидев богов в Пегане, сам может стать как бог, если этого захочет, – тому, кто глядел Им в глаза, боги не могут отказать.

И я, глупец, сказал: „Я глядел в глаза богам и требую того, что человек вправе требовать от богов в Пегане“. И боги повернули головы к Худразею, и Худразей сказал: „Это закон богов“.

Но мне, простому пастуху, откуда было знать?

Я сказал: „Я сделаю людей богатыми“. А боги спросили: „Что такое богатство?“

Я сказал: „Я пошлю им любовь“. А боги спросили: „Что такое любовь?“

И я послал золото в Миры, но, увы, вместе с ним послал нищету и раздоры. И я послал любовь в Миры, а вместе с нею горе.

К тому же я по оплошности смешал любовь и золото, и теперь их нельзя разделить, ибо содеянное богами неизменно.

Затем я сказал: „Я дам людям мудрость, чтобы они были довольны“. И получившие мудрость поняли, что ничего не знают, и опечалились.

Так я, желая сделать людей счастливыми, сделал их несчастными и извратил замысел богов.

Отныне моя рука всегда на рукоятке их плуга. Но мне, простому пастуху, откуда было знать? Вот я пришел к тебе, отдыхающему у реки, чтобы просить о прощении, ибо нуждаюсь в прощении человека.

Тогда я воскликнул:

– О Господин семи небес, Повелитель бурь, разве может человек простить бога?

Он мне ответил:

– Люди не грешили против богов, но боги согрешили против людей, когда я пришел к ним на совет.

И я, пророк, спросил:

– О Господин семи небес, играющий с молнией, ты пребываешь среди богов, зачем тебе прощение человека?

И он ответил:

– Это правда, я пребываю среди богов, и Они говорят со мной, как говорят с другими богами, однако губы Их все время смеются, а в глазах я читаю: „Ты был человеком“.

Тогда я сказал:

– О Господин семи небес, под ногами которого Миры, как зыбучий песок, по просьбе твоей я, человек, тебя прощаю.

И он ответил:

– Я был простым пастухом. Откуда мне было знать?

И исчез».

Пегана

Пророк воззвал к богам:

– О Все боги, кроме Одного! – (Ибо никто не смеет молиться МАНА-ЙУД-СУШАИ.) – Куда уходит жизнь из тела, когда Мунг являет человеку свое знамение? Люди, с которыми вы играете, хотят это знать.

Но боги отвечали сквозь туман:

– Боги не откроют своей тайны. А вдруг ты поведаешь о ней животным, животные тебя поймут, и выйдет так, что люди, боги и животные будут знать одно и то же и сравниваются меж собой.

В ту же ночь явился в Арадек Йохарнет-Лехей и сказал Имбону:

– Зачем тебе знать тайну богов? Боги не могут ее открыть. Когда стихает ветер, где он? И когда нет тебя среди живых, где ты? Ветру ли заботиться о затишьи, тебе ли – о смерти? Жизнь твоя длинна, а Вечность коротка. Так коротка, что, когда ты умрешь и минует Вечность, ты снова будешь жить и скажешь: «Я лишь на миг закрыл глаза». Вечность позади тебя и Вечность впереди. Разве ты сокрушаешься о веках, что прошли без тебя? Зачем тебе страшиться будущих веков?

И подумал пророк: «Как мне сказать людям, что боги не желают говорить со мной и я, их пророк, ничего не знаю? Тогда я перестану быть пророком, и люди станут приносить дары другому, а не мне».

И сказал пророк людям:

– Боги, говоря со мной, сказали: «О Имбон, Наш пророк, люди не напрасно надеялись на тебя. Твоя мудрость постигла тайну богов: человек после смерти отправляется в Пегану и пребывает там с богами, и наслаждается, не ведая трудов. Пегана же – страна, где белеют вершины гор и на каждой восседает бог, а люди лежат внизу на склонах и отдыхают под сенью того бога, которого особо чтили в Мирах. И воздух там наполнен ароматом садов, что цвели в Мирах, и слух твой ласкает старая полузабытая мелодия. И солнце там никогда не меркнет, и прозрачные потоки струятся с гор под голубыми небесами. И нет там ни дождей, ни сожалений. И розы, достигшие расцвета, роняют лепестки к твоим ногам, и только изредка с забытой Земли доносятся тихие голоса, что слышал ты в садах твоей юности. И если вздохнешь ты о Земле, услышав незабытые голоса, то боги пошлют тебе в Пегану крылатых вестников, сказав им: „Один из людей не забыл о Земле“. И вестники возьмут тебя за руку и примутся шептать тебе на ухо, пока не забудешь ты земные голоса. И станет для тебя Пегана еще прекраснее.

И посреди лугов Пеганы вырастет розовый куст, что обвивал крыльцо родного дома, и зазвучат напевы, которым внимал ты давным-давно.

Более того, с лугов, покрывающих склоны Пеганы, слушая мелодию, что волнует души богов, ты увидишь далеко внизу под собой огромную горестную Землю и порадуешься, что уже ее покинул.

И с трех великих вершин, что высятся над всеми и зовутся Гримбол, Зеебол и Трехагобол, подуют, неся богам Пеганы свежесть, утренний ветер и ветры вечерний и полуденный, рожденные крылами бабочек, что сгинули в Мирах.

А из Срединного моря по слову богов взвьется серебристый фонтан, повиснет над вершинами Пеганы сверкающим туманом и сокроет место, где отдыхает МАНА-ЙУД-СУШАИ.

Там, у подножия Внутренних гор, лежит большое голубое озеро. Воды его тихи, а берега пустынные.

Тот, кто заглянет в его воды, увидит свою жизнь в Мирах и все дела, которые он совершил.

Но никто не приближается к его берегам и никто не глядит в его воды, ибо все страдали на Земле и все гршили.

В Пегане всегда светло. Когда одержит ночь победу над солнцем и успокоит Миры и белоснежные вершины гор станут серыми, тогда, подобно солнцу над морем, засияют голубые глаза богов, сидящих на вершинах.

И когда настанет Последний Срок – быть может, это будет летом, – боги скажут богам:

– Каков лик МАНА-ЙУД-СУШАИ? И что такое КОНЕЦ?

И тогда МАНА-ЙУД-СУШАИ отгонит рукой туман, что скрывает место его отдыха, и возгласит:

– *Вот лик МАНА-ЙУД-СУШАИ, и вот КОНЕЦ».*

И сказали пророку люди:

– Разве черные холмы в покинутом краю не сомкнутся вокруг долины, где будут плавиться и клочкотать камни, а обломки скал с шипением всплывать и уходить на дно? И разве наши враги не будут кипеть там вечно?

И ответил пророк:

– В Пегане у подножия гор, на которых восседают боги, высечена надпись: «Враги твои прощены».

Речения Имбона

Пророк богов сказал:

– Там, у дороги, сидит лжепророк и каждому, кто хочет знать о тайных днях, говорит: «Скоро царь проедет здесь на колеснице и будет беседовать с тобой». И люди приносят дары лжепророку и слушают его охотнее, чем Пророка богов.

Тогда сказал Имбон:

– Что известно Пророку богов? Мне известно, что люди ничего не знают о богах и очень мало – о людях. Могу ли я, их пророк, сказать им об этом?

Ведь люди избирают себе пророков, чтобы те говорили об их надеждах и о том, что надежды эти сбудутся.

Лжепророк сказал: «Скоро царь будет беседовать с тобой».

Почему бы мне не сказать: «Скоро боги будут беседовать с тобой в Пегане»?

Тогда люди будут счастливы, и поверившие словам Пророка будут знать, что их надежды сбудутся.

Но что знает о богах Пророк, к которому никто не придет и не скажет: «Твои надежды сбудутся»? Перед его глазами никто не делает тайных знаков, чтобы отогнать страх смерти, не для него звучат песнопения служителей храма.

Пророк богов купил себе мудрость ценою счастья и отдал свои надежды людям.

Еще сказал Имбон:

– Если ночью тебя охватит гнев, погляди на звезды: они тихи. Тому, кто мал, подобает ли браниться, когда великие молчат? Или, если гнев охватит тебя днем, взгляни на далекие холмы: их лик украшен спокойствием. Подобает ли тебе гневаться, когда они невозмутимы?

Не ропщи на людей, ибо они, как и ты, движимы Дорозандом. Разве волы, на которых одно ярмо, подгоняют друг друга?

Не ропщи на Дорозанда, ибо тогда ты сражаешься голыми руками с железным утесом.

Все, что делается, делается потому, что так должно быть. Поэтому не ропщи на неизбежное.

И еще сказал Имбон:

– Солнце восходит, чтобы осиять славой все, что видит под собою, и превращает простую росу в драгоценные камни. И убирает ими холмы.

Так же и человек. Он рождается, и в садах его юности пребывает слава. И Солнце, и человек проходят свой путь, чтобы исполнить предначертанное Дорозандом.

Закатится Солнце, и звезды тихо загорятся на небосклоне.

Умрет человек, и родственники тихо плачут на его могиле.

Наступит ли снова рассвет его жизни? Увидит ли он вновь сады своей юности? Или же все завершится закатом?

О том, как Имбон говорил с царем о смерти

Когда в Арадеке свирепствовала чума, царь, выглянув в окно, увидел, что люди умирают. И, увидав Смерть, испугался, что однажды даже ему придется умереть. Тогда царь приказал своим стражам привести во дворец мудрейшего из пророков Арадека.

И вестники явились в храм Всех богов, кроме Одного, и громко возгласили, предварительно потребовав тишины:

– Разахан, царь Арадека, Наследный князь Илдана и Илдона, Завоеватель Патии, Эзека и Азхана, Повелитель Холмов, приветствует Верховного Пророка Всех богов, кроме Одного!

А затем привели Верховного Пророка к царю. И сказал царь пророку:

– О Пророк Всех богов, кроме Одного, неужели и я когда-нибудь умру?

И пророк ответил:

– О царь! Твой народ не сможет вечно наслаждаться твоим правлением. Придет и твой черед умереть.

И царь ответил:

– Возможно, ты и прав, но вот ты умрешь наверняка. Возможно, я когда-нибудь умру, но пока я жив, жизнь подданных в моих руках.

И стражи увели пророка.

С тех пор пророки Арадека не говорят с царями о смерти.

Об Ооде

Говорят, если ты отправишься к Сундари по равнинам и поднимешься на вершину прежде, чем тебя накроет лавина, подстерегающая путника на склонах, перед тобой откроется горная гряда. И когда ты взберешься на эти горы и перейдешь лежащие меж ними долины (которых будет семь по числу вершин), ты наконец окажешься в стране забытых холмов, где посреди долин и снегов стоит «Великий храм Одного бога».

Внутри храма дремлет пророк и с ним все служители.

Они – жрецы МАНА-ЙУД-СУШАИ. В храме запрещено свершать труды и молиться. В его стенах день неотличим от ночи. Жрецы там предаются отдыху, как предается МАНА. И пророк его зовется Оод.

Оод – величайший из пророков Земли. Говорят, если он начнет молиться нараспев вместе со всеми служителями храма и станет призывать МАНА-ЙУД-СУШАИ, то МАНА-ЙУД-СУШАИ очнется от сна – ведь он обязательно услышит молитву своего пророка, – и тогда не станет больше Миров.

Есть еще один путь в страну забытых холмов. Это прямая ровная дорога в самом сердце гор. Но по неким тайным причинам лучше добираться в обитель Оода через вершины и снега – пускай ты и погибнешь в пути, – чем пробовать попасть туда по ровной прямой дороге.

Река

В Пегане берет начало река, но не река воды и даже не река огня: по небесам и Мирам струится к Пределу Миров Река Безмолвия. Миры полны звуками и шумами, полны эхом голосов и песен, только на Реке царит молчание, ибо там все звуки умирают.

Река рождается из барабанной дроби Скарла, течет меж берегов из грома, а за Мирами, за самой далекой звездой, впадает в Океан Безмолвия.

Я лежал в пустыне, вдали от городов и звуков, и надо мной по небу текла Река Безмолвия, а на краю пустыни ночь сражалась с Солнцем.

Когда же ночь одержала победу, на Реке показался корабль Йохарнет-Лехея, корабль Сновидений, плывущий в сумерках.

Шпангоуты корабля сделаны из старых снов, высокие прямые мачты – из фантазий поэтов, а снасти – из людских надежд.

Гребцы на палубе – те, что умерли, и те, что еще не родились, принцы из забытых сказок и существа, рожденные фантазией, – беззвучно поднимали и опускали весла.

Ветры приносят в Пегану людские надежды и мечты, которым не нашлось места в Мирах, а бог Йохарнет-Лехей вплетает их в сны и вновь отправляет на Землю.

Каждую ночь Йохарнет-Лехей садится на корабль Сновидений, чтобы вернуть людям былые надежды и забытые мечты.

Прежде чем новый день вступит в свои права и легионы зари примутся метать в лицо ночи огненные копьа, Йохарнет-Лехей покидает спящие Миры и уплывает по Реке Безмолвия в Пегану и дальше, в Океан Безмолвия, лежащий за Мирами.

И зовется та Река Имраной – Рекой Безмолвия. Те, кто устал от шума городов, пробираются ночью на корабль Йохарнет-Лехея, ложатся на палубу и плывут по Реке, окруженные былыми снами и мечтаниями, пока Мунг не явит им свое знамение, ибо такова их судьба. И, лежа на палубе среди незабытых фантазий и неспетых песен, они перед рассветом достигают Имраны, где не слышно ни шума городов, ни раскатов грома, ни полуночного воя Боли, терзающей людские тела, где никому нет дела до печалей Мира.

У врат Пеганы, там, где Река струится меж двумя созвездиями-близнецами Йумом и Готумом – Йум стоит на страже справа, а Готум слева, – сидит Сирами, властелин Забвения. Когда корабль проплывает мимо, Сирами глядит сапфировыми глазами на лица и мимо лиц тех, кто устал от городов, глядит, как глядят перед собою те, кто ничего не помнит, и плавно взмахивает руками, и люди на палубе забывают все – кроме того, что забыть невозможно, даже за Пределом Миров.

Говорят, когда Скарл перестанет бить в барабан и МАНА-ЙУД-СУШАИ очнется от сна, боги Пеганы поймут, что настал КОНЕЦ, и, не теряя достоинства, взойдут на золотые галеоны и поплывут вниз по Имране, к Океану Безмолвия, где нет ничего, даже звуков. А далеко, на берегу Реки, будет лаять их старый пес-Время, восставший на своих хозяев. А МАНА-ЙУД-СУШАИ придумает другие миры и других богов.

Птица судьбы и Конец

В последний срок Миры сотрясутся от раскатов грома, задумавшего избежать участи богов, а отощавший с годами пес-Время станет алчно скалиться на своих хозяев.

И тогда из сокрытой в горах долины взовьется в небо птица судьбы, Мозаан, чей голос подобен трубе, и станет громко бить крыльями, возвещая трубным голосом КОНЕЦ.

Тогда при всеобщем смятении, под яростный лай пса, боги явят в последний раз свое знамение и гордо проществуют к золотым галеонам, чтобы уплыть по Реке Безмолвия и никогда не вернуться.

И выйдет Река из берегов, и Океан Безмолвия затопит все Миры и Небеса. А МАНА-ЙУД-СУШАИ будет восседать в Средине Всего, погруженный в раздумья. И когда Миры и города, служившие пищей Времени, исчезнут, пес-Время сдохнет от голода.

Но некоторые утверждают – и в этом состоит ересь Сайготов, – что когда боги взойдут на золотые галеоны, то Мунг останется в Пегане и, опершись спиной о вершину Трехагобола, поднимет разящий меч, который зовется Смертью, и напоследок сразится с псом-Временем, а пустые ножны Сон будут болтаться у него за спиной.

Когда покинут боги Пегану, то у подножия Трехагобола Мунг вступит в бой со Временем.

Сайготы говорят, что два дня и две ночи пес будет злобно рычать в лицо Мунгу, два дня и две ночи будут биться они во мгле. Ведь после того, как золотые галеоны уплывут, солнце, луна и звезды утонут в небе вместе с остальными, ибо боги, создавшие их, перестанут быть богами.

В отчаянном прыжке пес вцепится в горло Мунгу, а тот, в последний раз явив свое знамение, вгонит меч меж лопаток пса, и кровь Времени разьест Смерть.

И МАНА-ЙУД СУШАИ останется один, и не будет вокруг ничего; ни Времени, ни Смерти, ни пения часов, ни шелеста прошедших жизней.

Но далеко от Пеганы будут плыть золотые галеоны, унося на себе богов, лица которых останутся бесстрастными. Ибо боги – это боги, и они знают, что настал КОНЕЦ.

КОНЕЦ

Время и боги

Предисловие

Это рассказы о том, что происходило с богами и людьми Йарнита, Аверона, Зарканду и других стран, привидевшихся мне.

Часть I Время и боги

Однажды, когда боги были молоды – только Их смуглый слуга Время не имел возраста, – Они уснули на земле неподалеку от широкой реки. Боги спали в долине, которую избрали Себе для отдыха, и Им снились мраморные сны. Храмы и башни Их снов поднимались и гордо вставали между рекою и небом, сияя белизной навстречу утру. Посреди города тысяча сверкающих мраморных ступеней вела к крепости, вздымавшей четыре угловые башни до самого неба, а в центре ее высился огромный храм, такой, каким увидели его боги. Вокруг, уступ за уступом, шли мраморные террасы, их стерегли львы, высеченные из оникса. Струи воды в фонтанах, взметнувшись высоко вверх, падали со звуком, напоминавшим звон колоколов в невидимой за холмами земле пастухов. Боги проснулись – перед Ними стоял Сардатрион. Не всем позволяли боги разгуливать по улицам Сардатриона, не всякий мог любоваться его фонтанами. Только тому, с кем во время одиноких ночных прогулок говорят боги, склоняясь с расцветченного звездами неба, тому, кто слышит Их божественные голоса над полоской зари или видит над морем Их лики, только тому дано было увидеть Сардатрион, приблизиться к его башням, вздвигшимся в свежем ночном воздухе из сновидений богов. Ибо пустыня простиралась вокруг долины, и не каждый мог добраться туда, лишь избранные богов, внезапно ощутив в душе неукротимое стремление и повинувшись ему, преодолевали горы, отделявшие пустыню от мира, и, ведомые богами, пересекали ее, и добирались до долины, сокрытой в сердце пустыни, и их глазам представал Сардатрион.

Пустыня вокруг долины поросла колючим кустарником, и все шипы его были обращены в сторону Сардатриона. Множество тех, кого боги дарили своей любовью, входили в мраморный город, но никто не возвращался назад, ибо ни один город не мог стать домом тех, чья нога ступала по мраморным мостовым Сардатриона, в котором не стыдились появляться боги в человеческом образе, прикрывая лицо полою одеяния. Поэтому ни одному городу не доводилось слышать песен, что пели за стенами мраморной крепости те, кто внимал божественным голосам. Никто в мире не мог и представить себе музыки фонтанов, когда их струи, взлетев к небу, падали в озеро, где боги в человеческом образе порою омывали чело. Никто не подозревал о поэтах этого города, с которыми вели беседы боги.

Город стоял уединенно. О нем не ходило легенд – один я видел его в сновидениях и не знал, истинны ли они.

* * *

В незапамятные времена, спустя годы после создания Сардатриона, боги правили мирами. Теперь Они больше не прогуливались вечерами по Мраморному Городу, слушая плеск фонтанов или пение людей, полюбившихся им, поскольку подошло время и труды богов должны были быть совершены.

Но часто, в мгновения, свободные от божественных своих деяний, выслушав людские молитвы, наслав Кары и явив Милосердие, боги предавались воспоминаниям, беседуя друг с другом о прошедших годах:

– Помнишь ли ты Сардатрион?

И в ответ слышалось:

– Еще бы! И Сардатрион, и его подернутые туманом мраморные террасы, по которым теперь не ступает наша нога.

Затем боги возвращались к Своим трудам, отвечая на людские молитвы или карая людей и всегда посылая Своего смуглого слугу, Время, исцелить или сокрушить человека. И Время нисходило в миры, повинуюсь велениям богов, но бросая на Них косые взгляды, а боги продолжали утруждать Время, потому что ему были известны миры и потому что Они были богами.

Однажды, в незапамятные времена, когда Время, смуглый слуга богов, тайно спустился туда, где были миры, чтобы незамедлительно покарать город, в котором мало чтили богов, сами боги стали говорить между Собою:

– Нет сомнений, что мы господя Времени и, кроме того, боги вверенных нам миров. Достаточно взглянуть, как наш Сардатрион вознесся над другими городами. Другие города встают и рушатся, один Сардатрион пребывает неизменным. Реки исчезают в море, а ручьи пропадают меж холмов, но фонтаны продолжают взлетать вверх в городе, который привиделся нам. Сардатрион существовал, когда мы были молоды, и до сих пор его улицы – свидетельство тому, что мы боги.

Вдруг перед ними выросла фигура Времени. Пальцы его были обагрены кровью, кровь струилась и по праздному мечу, покоившемуся в правой руке. Раздался голос Времени:

– Сардатрион погиб! Он разрушен мною!

И боги воскликнули:

– Сардатрион? Сардатрион, наш мраморный город? Это ты разрушил его? Ты, наш раб?

И старший из богов спросил:

– Неужели Сардатрион погиб?

И Время, их смуглый слуга, искоса взглянул в его лицо и шагнул к нему, сжимая окровавленными пальцами рукоять своего верного меча.

Тут боги ощутили неведомый Им доселе страх – страх, что тот, кто превратил в руины Их город, когда-нибудь низвергнет Их самих. И раздались неслыханные дотоле стенания и плач: боги оплакивали город Своих снов.

– Слезам не вернуть Сардатрион.

– Но боги, бесстрастно наблюдавшие горести десяти тысяч миров, – твои боги оплакивают тебя.

– Слезам не вернуть Сардатрион.

– Не верь, Сардатрион, что твои боги наслали на тебя погибель; тот, кто уничтожил тебя, низринет и твоих богов.

– Как часто в давние времена, когда Ночь внезапно сменяла игравший на просторе День, мы любовались твоими шпилями, мерцавшими в сумерках, Сардатрион, Сардатрион, город, приснившийся богам, и твоими высеченными из оникса львами, едва различимыми в темноте.

– Как часто мы посылали наше дитя, Рассвет, играть на верхушках твоих фонтанов, как часто Заря, прелестнейшая из наших богинь, подолгу блуждала по твоим балконам.

– Пусть уцелел бы хоть обломок твоего мрамора во прахе, чтобы твои древние боги могли хранить его, как человек, лишившийся всего на свете, кроме локона своей возлюбленной.

– Сардатрион, боги хотят еще раз поцеловать землю, где пролегли твои улицы.

– Каким чудесным мрамором были вымощены твои улицы и площади, Сардатрион.

– Сардатрион, Сардатрион, боги оплакивают тебя.

Приход моря

В давние времена не было моря, и боги шествовали по зеленым равнинам земли.

Как-то вечером в незапамятные годы боги воссели на холмы, и все речушки мира улеглись спать у Их ног, как вдруг Слип, новый бог со звезд, сошел внезапно на землю, лежавшую в уголке пространства. А за спиной Слида двигался миллион волн, и вслед за Слипидом они ступили в сумерки; и Слипид коснулся земли в одной из ее великих зеленых долин, что пролегла

на юге, и стал там лагерем со всеми своими волнами. А до богов, восседавших на вершинах холмов, донесся с зеленых равнин, что лежали внизу, новый крик, и боги сказали:

– То не крик жизни, но еще и не шепот смерти. Что же это за новый крик, без ведома богов достигший Их слуха?

И боги вскричали все вместе, издав клич юга, призывающий к Ним южный ветер. И еще вскричали, издав клич севера, призывая к Себе ветер севера. Так Они собрали все ветры и послали четверку их в низину узнать, что за существо издало новый крик, и изгнать его подальше от богов.

Тогда ветры собрали тучи и, взнуздав их, погнали их в великую зеленую долину, что пролегла посреди юга, и нашли там Слида в окружении волн. И на великой равнине схватились Слип и четверка ветров, и боролись, покуда не иссякла сила ветров, и отступили они к богам, своим властелинам, и сказали:

– Мы встретились с новым существом, что сошло на землю, и сразились с его войском, но не смогли одолеть его; а новое существо прекрасно, хотя сердито, и оно подступает к богам.

И Слип двинул свои войска вверх по долине и принялся дюйм за дюймом, милю за милей отвоевывать земли богов. Тогда боги ниспослали вниз великую армаду утесов с красных гор и велели им идти против Слида. И утесы двинулись вниз туда, где стоял Слип, и сомкнули вершины, и грозно стали неколебимой стеной, заслонив собой земли богов от могущества моря, отторгнув Слида от мира. Тогда Слип выслал мелкие волны попытать, что за сила стоит против него, и утесы разбили их. Но Слип собрал большие волны и бросил на утесы, и утесы разбили их. И Слип вызвал из глубин армаду самых больших волн и послал ее, грохочущую, против стражей богов, и красные скалы сдвинулись и разбили ее. И снова Слип собрал свои мощные силы и отправил сразиться со скалами, и, когда эти волны были разбиты, как и те, что до них, утесы уже едва держались, и лики их были изборождены шрамами. Тогда в каждое ущелье этих утесов, что стояли стеной, Слип наслал по гигантской волне, а за ними шли другие, и сам Слип ухватил ручищами крепкие скалы, и вырвал их из земли, и бросил себе под ноги. А когда шум утих и море победило, по останкам поверженных красных скал армии Слида вошли в зеленую долину.

Тогда боги услышали вдали торжествующего Слида и его песнь победы над их разбитыми скалами, а грохот наступающего войска все громче и громче отзывался в ушах богов.

Тогда боги повелели Своим холмам спасти Их мир от Слида, и холмы собрались вместе и белой сверкающей стеной замерли перед Слипидом. Слип не стал бросать на них свои легионы и, пока волны его покоились, начал тихо напевать песню – ту, что некогда тревожила звезды и вызывала слезы сумерек.

Твердо стояли холмы на страже ради спасения мира богов, но песня, что некогда тревожила звезды, все звучала, пробуждая подавленные желания, пока мелодия не улеглась у ног богов. Тогда голубые реки, что спали, свернувшись, открыли свои блестящие глаза, распрямились и, пробравшись между окрестными холмами, устремились на поиски моря. И, пройдя долгий путь, достигли наконец того места, где стояли белые холмы, прорвали их цепь и стекли к Слипиду, и боги вознегодовали на предательство рек.

Тогда Слип прервал свою песню, что околдовывает мир, и собрал свои легионы, а реки и волны подняли головы, и все вместе двинулись на утесы богов. И там, где реки прорывали цепь скал, армии Слида брали их в осаду, раскалывали на острова и разбрасывали окрест. А боги на холмах вновь услышали голос торжествующего Слида.

Уже полмира лежало поверженным у ног Слида, а его войско все прибывало, и подданные Слида, рыбы и длинные угри, заселяли прежде дорогие богам убежища. Тогда испугались боги за Свои владения и взошли в самое сердце гор и нашли там Тинтагона, гору черного мрамора, далеко провидевшего землю, и так сказали ему голосами богов:

– О старейшина гор, когда мы только создали землю, мы сотворили тебя, а потом лишь поля и низины, долины и другие горы, возложив их у твоих ног. А ныне, Тинтагон, твои древние властители, боги, повстречались с пришельцем, который разрушает старый уклад. Пойди же, Тинтагон, и стань против Слида, дабы боги пребывали богами, а земля по-прежнему зелена.

Услышав голоса своих властелинов, старших богов, Тинтагон сошел сквозь вечер, оставив за спиной разбуженные сумерки, и, пройдя зеленой землей, достиг Амбради у края долины и там встретил передовой отряд грозных сил Слида, завоевывающих мир.

Слид бросил против него мощь целого залива, который ударился о колени Тинтагона, разбился на потоки и разлился тонкими струями. Тинтагон же стоял непоколебимо за честь и господство своих властелинов, старших богов. Тогда подошел к Тинтагону Слип и сказал:

– Давай примиримся. Отступи от Амбради и позволь мне и моим войскам пройти в долину, которая открывается в мир, и пусть зеленая земля, что дремлет у ног старших богов, узнает нового бога Слида. Тогда мои легионы не станут больше сражаться с тобой, а ты да я станем равноправными властителями всей земли, и, когда вся земля воспоет гимн в честь Слида, лишь твоя глава возвысится над моими войсками, а все другие горы и утесы сгинут. И я уберу тебя всеми сокровищами моря, и все трофеи, что собрал я в дивных городах, возложу к ногам твоим. Тинтагон, я покорил все звезды, моя песнь звучала во всех пространствах, я с победой прошел Ман и Ханагат до самых окраин миров, и нам с тобой быть равными властителями, когда уйдут старые боги и зеленая земля узнает Слида. Смотри, как блистает моя лазурь, как сверкает тысяча моих улыбок, как сменяют одно другое тысяча моих настроений.

И ответил Тинтагон:

– Я тверд и черен, и настроение у меня всегда одно – защищать моих хозяев и их зеленую землю.

Тогда Слип с ворчаньем отступил и собрал вместе волны целого моря и с пением швырнул их в лик Тинтагона. И, ударившись о мраморный лик Тинтагона, с воем отпрянуло море на разбитый берег и струя за струей притекло к Слиду, жалуясь: «Тинтагон неколебим».

Вдали от разбитого берега, что лежал у ног Тинтагона, долго отдыхал Слип и послал челн, чтобы плавал он перед глазами Тинтагона, а сам сел со своим войском петь странные песни о волшебных островах, что лежат далеко на юге, и неподвижных звездах, сумеречных вечерах и давно прошедшем. А Тинтагон твердо стоял, упершись в край долины, защищая богов и их зеленую землю от моря.

И все то время, пока Слип пел свои песни и играл с челном, он собирал свои воды. Однажды утром, когда Слип пел о древних жестоких войнах, и о самом сладком мире, и о волшебных островах, и о южном ветре, и о солнце, он вдруг извлек из глубин пять океанов и бросил их против Тинтагона. И пять океанов ринулись на Тинтагона и омыли его главу. Но раз от раза наплыв океанов слабел, и один за другим уходили они вглубь, а Тинтагон все стоял, и в то утро мощь всех пяти океанов разбилась о его твердь.

Все, что отвоевал Слип, он удержал, и нет больше великой зеленой долины на юге, но все, что Тинтагон отстоял у Слида, он вернул богам. Тихое море лежит теперь у ног Тинтагона, а он стоит весь черный среди складчатых белых утесов и красных скал. И часто море отступает далеко от берега, и часто волны с воинственным грохотом кидаются на него, словно вспоминая великую битву с Тинтагоном, когда он охранял богов и зеленую землю от Слида.

Иногда в снах своих израненные в боях воины Слида подымают головы и издают боевой клич; тогда собираются над темным ликом Тинтагона грозные тучи, но стоит он непоколебимо там, где когда-то одолел Слида, и издали видят его корабли. И боги хорошо знают, что, пока стоит Тинтагон, Они и Их Мир в безопасности; а покорит ли когда-нибудь Слип Тинтагона, то скрыто в тайнах моря.

Легенда о Заре

В начале миров и Всего сущего боги уже были суровы и стары: Они хмуро взирали на Начало Начал из-под седых бровей, – все, кроме Инзаны: а Инзана, дочь Их, дитя всех богов, играла себе с золотым мячом. Закон, бывший до Начала Начал и после, гласил, что богам повинуются все сущее, но все боги Пеганы были на побегушках у Инзаны и делали то, что скажет девочка-Заря, ведь ей очень нравилось, когда ее слушают.

Тьма царила над миром и даже в Пегане, где живут боги; в кромешной темноте Инзана, девочка-Заря, впервые нашла свой золотой мяч. И вот, сбегав вприпрыжку по лестнице богов, с халцедоновой ступеньки на ониксовую, с ониксовой на халцедоновую, она бросила свой золотой мяч ввысь. Мяч, подсакивая, покатился через все небо, а девочка-Заря с пламенеющими волосами стояла, смеясь, на лестнице богов, и был день. Так мерцающие внизу поля узрели первый из дней, сужденных богами. Но ближе к вечеру некие горы, далекие и равнодушные, сговорились встать между миром и золотым мячом и заградить его скальными отрогами и спрятать от мира, и козни их погрузили весь мир во мрак. В вышней Пегане заплакала девочка-Заря о своем золотом мяче. Тут все боги сошли по лестнице прямо к вратам Пеганы узнать, что гнетет девочку-Зарю, и спросить, отчего она плачет. И пожаловалась Инзана, что ее золотой мяч отобрали и спрятали черные и страшные горы – вдали от Пеганы, в краю скал под небесным окоемом, и требовала она назад свой золотой мяч, ибо тьма ей была не мила.

Тогда Умбородом взял на сворку гром – своего верного пса, – и зашагал через все небо за золотым мячом, и добрался со временем до далеких и равнодушных гор. Там гром принялся к скалам и с лаем промчался по долинам, а следом за ним поспешал Умбородом. И чем ближе пес-гром подбирался к золотому мячу, тем громче он лаял, но горы, чьи козни погрузили мир во мрак, высились надменны и немые. В кромешной темноте среди каменных отрогов, в глубокой пещере под охраной двойных пиков-близнецов пес и его хозяин отыскивали наконец золотой мяч, о котором плакала девочка-Заря. Тогда Умбородом прошел под миром, а гром, пыхтя, прыжками мчался за ним по пятам; и явились они из-под мира во тьму в преддверии утра, и вернули Инзанае ее золотой мяч. Рассмеялась девочка-Заря и взяла мяч в ладони, а Умбородом возвратился в Пегану, и на пороге Пеганы гром свернулся калачиком и уснул.

И снова закинула девочка-Заря золотой мяч далеко в синеву через все небо, и второе утро засияло над миром, над озерами, и океанами, и каплями росы. Но пока мяч, подсакивая, катился своим путем, крадущиеся туманы и дождь тайно сговорились промеж себя, и украли его, и завернули в свои изорванные плащи, и унесли прочь. Золотой мяч проблескивал сквозь прорехи, но похитители, не выпуская добычи, сокрылись под миром. Тогда Инзана присела на ониксовую ступеньку и заплакала: ведь без своего золотого мяча она не могла смеяться и радоваться. И снова удручились боги, и прилетел Южный Ветер и принялся рассказывать ей сказки о зачарованных островах, но Инзана не стала слушать ни его, ни даже предания о храмах в пустынных землях, что поведал ей Восточный Ветер, который был рядом с нею, когда бросила она свой золотой мяч. Но вот примчался издалека Западный Ветер с известием о трех седых странниках, закутанных в дырявые плащи и унесших золотой мяч.

И взвился Северный Ветер, страж полюса, и выхватил из снежных ножен ледяной меч, и понесся по проложенной через синеву дороге. В темноте под миром повстречал он трех седых странников, и накиннулся на них, и погнал прочь, разя мечом, и преследовал до тех пор, пока серые плащи их не окрасились кровью. А те убежали в развевающихся плащах, алых и серых, и изорванных в клочья, но вот Северный Ветер настиг их, и взмыл ввысь с золотым мячом, и отдал его Инзанае.

И снова девочка-Заря кинула мяч свой в небо и создала третий день, а мяч летел все выше и выше и упал в поля, а когда Инзана нагнулась подобрать его, внезапно зазвенели трели

птиц – всех, какие только есть на свете. Птицы мира распевали все вместе, и все ручьи тоже, а Инзана присела и заслушалась – и не вспоминала более ни о золотом мяче, ни даже о халцедоне и ониксе, ни обо всех своих отцах-богах, но думала лишь о птицах. Но вот в лесах и на лугах, где так внезапно запели все птицы, они так же внезапно и смолкли. Инзана подняла взгляд – и увидела, что мяч ее пропал и в тишине хохочет лишь одна одинокая сова. Когда же услышали боги, как Инзана плачет о своем мяче, столпились Они все вместе на пороге и вгляделись во тьму, но никакого золотого мяча не увидели. И, наклонившись вперед, Они воззвали к нетопырю, порхавшему вверх-вниз:

– Нетопырь, ты все видишь – скажи, где золотой мяч?

И ответил им нетопырь, да только никто его не услышал. Ни ветра не видели пропажу, ни птицы; лишь очи богов высматривали во тьме золотой мяч. И сказали боги: «Потерялся твой золотой мяч», – и сделали Инзана серебряную луну, чтобы катать ее по небу. Но расплакалась девочка-Заря и, требуя золотой мяч, швырнула луну на ступеньки, так что выщербились и надломились края ее. И поскольку Инзана все еще безутешно рыдала о своем золотом мяче, Лимпанг-Танг, Владыка Музыки, наименьший из всех богов, потихоньку выскользнул из Пеганы, и прокрался через все небо, и увидел, что во всем мире птицы расселись в кронах деревьев и среди плюща и пересвистываются в темноте. И принялся он расспрашивать птиц одну за одной про золотой мяч. И кто-то видел его в последний раз на соседнем холме, а кто-то в ветвях деревьев, но никто не знал, где мяч сейчас. Цапля видала его в пруду, а дикая утка в последний раз видала его в тростниках, когда летела домой через холмы; а потом мяч укатился куда-то очень далеко.

Наконец петух прокричал, что знает, где мяч, – он лежит под миром. Лимпанг-Танг тотчас же отправился туда на поиски, а петух перекинулся с ним сквозь тьму, пока наконец не нашелся золотой мяч. И поднялся Лимпанг-Танг обратно в Пегану, и отдал мяч Инзана, и больше не играла она с луной. А петух и все его племя заголосили: «Мы нашли его! Мы отыскали золотой мяч!»

И снова Инзана закинула мяч высоко в небо и, глядя на него, смеялась от радости – и воздевала руки ввысь, и золотые волосы ее развевались по ветру, – и не сводила с мяча глаз, следя, куда он упадет. Но увы! Мяч с плеском упал в великое море и мерцал там и переливался, пока темные воды не сомкнулись над ним и не сокрылся он из виду. А в мире говорили люди: «Сколько росы выпало, сколько тумана нанесло от ручьев!»

Но то была не роса, а слезы Инзаны, а туманы – ее вздохи, ибо сказала девочка-Заря:
– Не играть мне больше со своим мячом, ведь теперь он потерян навсегда.

И принялись боги утешать Инзана, пока катала она серебряную луну, но девочка-Заря не слушала Их, а в слезах побежала к Слиду, туда, где играл он с мерцающими парусами, и перебирал драгоценные камни и жемчуга в своей необъятной сокровищнице, и верховодил над морем. И взмолилась она:

– О Слип, душа твоя заключена в море – верни мне мой золотой мяч!

И восстал темноликий Слип, облаченный в водоросли, и храбро нырнул с последней халцедоновой ступени порога Пеганы напрямик в океан. Там на песке, среди разбитых флотилий наutilusов и сломанных клинков меч-рыбы, отыскал он золотой мяч, канувший на темное дно. И, поднявшись в ночи на поверхность, весь зеленый и мокрый насквозь, Слип принес из моря сверкающий мяч к лестнице богов и вернул его Инзана; и взяла она мяч из рук Слида, и бросила в вышину, и полетел мяч по свету над парусами и морем, и засиял вдалеке над землями, Слида не ведающими, и достиг зенита, и начал было падать вниз, обратно в мир.

Но не успел мяч упасть, как выскочило из засады Затмение, и кинулось к золотому мячу, и схватило его в зубы. Увидев, как Затмение уносит ее игрушку, Инзана громко позвала на помощь гром, и тот вырвался из Пеганы и с воем кинулся на Затмение, и вцепился ему в горло, так что Затмение выронило золотой мяч, и мяч покатился к земле. Но черные горы коварно

прикрылись снегом, и пока летел к ним золотой мяч, они обратили свои скальные пики в алые рубины, а озера в сапфиры, мерцающие на серебре, и померещилось Инзана, будто игрушка ее упала в изукрашенный драгоценными камнями ларец. Но когда нагнулась она подобрать мяч, не увидела она изукрашенного рубинами, серебром и сапфирами ларца, но лишь злобные горы, прикрытые снегом, что уловили ее золотой мяч. И заплакала девочка-Заря: некому было отыскать мяч, ведь гром убежал в дальние дали вдогонку за Затмением; и все боги зарыдали из сочувствия к ее беде. И Лимпанг-Танг, из всех богов наименьший, более всех прочих печалился, видя, как горюет девочка-Заря, и когда сказали боги: «Поиграй со своей серебряной луной», – он потихоньку отошел от прочих, и, наигрывая на музыкальном инструменте, спустился по лестнице богов, и зашагал к миру на поиски мяча, ведь Инзана так горько плакала.

И вступил он в мир, и дошел до низовых скал, примыкающих к внутренним горам, где, в душе и сердце земли, одиноко живет Землетрясение: оно спит, но во сне шевелится, дышит, подергивает лапами и шумно всхрапывает в темноте. И шепнул Лимпанг-Танг в самое ухо Землетрясения такое слово, которое произнести могут только боги, и вскочило Землетрясение, и отшвырнуло прочь пещеру – пещеру, в которой спало оно между скалами, и встряхнулось, и помчалось во всю прыть от лежбища своего, и ниспровергло горы, спрятавшие золотой мяч, и куснуло землю под ними, и расшвыряло их кряжи, и обрушило на себя холмы и утесы, и вернулось, рыча и неистовствуя, в душу земли, и там прилегло и снова заснуло на сотню лет. И выкатился золотой мяч беспрепятственно из-под каменных завалов, и прикатился обратно в Пегану; а Лимпанг-Танг вернулся домой к ониксовой ступени, и взял девочку-Зарю за руку, и, умолчав о том, что сделал сам, рассказал лишь про Землетрясение; и ушел, и сел в ногах у богов. А Инзана сбегала потрепала Землетрясение по холке: ему ведь так темно и одиноко в душе земли! А потом поднялась обратно по лестнице богов – с халцедоновой ступеньки на ониксовую, с ониксовой на халцедоновую, – и снова бросила золотой мяч с Порога далеко в синеву, на радость миру и небу, и, смеясь, проводила его глазами.

В дальней дали, на окраинном Окоеме, Трогул перевернул страницу, обозначенную как шестая тайной цифирью, коей никто не сумел бы прочесть. А пока летел золотой мяч через все небо, дабы засиять над землями и городами, подступила к нему Мгла – сутуло брела она, завернувшись в темно-бурый плащ, а за ней по пятам кралась Ночь. Когда же катился золотой мяч мимо Мглы, Ночь вдруг взрыкнула, прыгнула на него и унесла.

Инзана спешно созвала богов и молвила:

– Ночь схватила мой золотой мяч, и теперь никто из богов не отыщет его в одиночку, ведь никому не ведомо, как далеко может забрести Ночь – она рыщет повсюду вокруг нас и извне, за пределами всех миров.

По просьбе Инзаны все боги смастерили Себе звездные факелы и отправились в неблизкий путь через все небо по следам Ночи – в те дальние дали, где Ночь рыщет на воле. И один раз до золотого мяча почти добрался Слид с Плядами в руке, а в другой раз – Йохарнет-Лехей, которому факелом служил Орион, и наконец Лимпанг-Танг, подсвечивая себе дорогу утренней звездой, отыскал золотой мяч далеко под миром, близ логовища Ночи.

Все боги вместе схватили мяч, и Ночь, оборотившись, загасила факелы богов и подбурпоздорову ускользнула прочь; и все боги торжественно взошли по сияющей лестнице, и все в один голос восхваляли неприметного Лимпанг-Танга, который в поисках золотого мяча гнался за Ночью по пятам. Но вот далеко внизу, в мире, дитя человеческое попросило у Инзаны золотой мячик, и девочка-Заря оставила игру, освещавшую мир и небеса, и с Порога богов бросила мяч малому дитяти человеческому, что резвилось в дольных полях и обречено однажды умереть. Весь день дитя играло с золотым мячом внизу, в малых угодах, обиталище людей, а ввечеру пришла пора укладываться спать, и спрятало дитя мяч под подушку и уснуло, и в целом мире никто не работал, пока играло дитя. Свет золотого мяча струился из-под подушки, и выплескивался наружу через неплотно прикрытые двери, и сиял в западном небе. Под покро-

вом ночи Йохарнет-Лехей прокрался на цыпочках в спальню и очень осторожно (ведь он был богом) вытащил мяч из-под подушки и отнес обратно Инзане, дабы мерцал он и переливался на ониксовой ступеньке.

Но однажды Ночь схватит золотой мяч, и унесет его далеко прочь, и утащит в свое логово, и Слип нырнет с Порога в море поглядеть, не там ли пропажа, и вынырнет, когда рыбаки вытянут со дна сети, но мяча не найдет ни среди сетей, ни даже среди парусов. Лимпанг-Танг станет искать среди птиц, но и он мяча не отыщет, ибо смолчит петух; вверх по долинам прокатится Умбородом и обыщет горные кряжи. Гром, верный пес его, бросится в погоню за Затмением, и все боги выступят на поиски со Своими звездами, да только мяча так и не найдут. А люди, утратив свет золотого мяча, не станут больше молиться богам, а боги, которым не поклоняются более, перестанут быть богами.

Но это все сокрыто даже от взора богов.

Отмщение людское

Еще до Начала Начал поделили боги землю на пустошь и пастбища. Привольные пастбища создали Они – и зазеленела земля; в долинах насадили Они фруктовые сады, а на холмах – вереск, но Харзе начертали Они, назначили и судили вовеки оставаться пустошью.

Когда вечерами мир молился богам, а боги отвечали на прошения, молитвы всех племен Арима оставили боги без внимания. Потому на народ Арима обрушилась война, и гнали его от страны к стране и все-таки уничтожить не смогли. И вот люди Арима стали сами создавать себе богов и назначали богами людей – до тех пор, покуда боги Пеганы не вспомнят о них снова. А вожди их, Йот и Ханет, взяв на себя роль богов, вели своих подданных все вперед и вперед, хотя все встречные племена нападали на них. Наконец пришли люди Арима в Харзу, где никакие племена не жили, и наконец-то смогли отдохнуть от войны, и молвили Йот и Ханет: «Труды закончены; уж верно, теперь-то боги Пеганы вспомнят о нас». И возвели беглецы в Харзе город, и распахали землю, и зелень затопила пустыню – так ветер налетает с моря, и стала Харза богата и плодами, и скотом, и блеяли бессчетные овцы. Больше не надо было изгоям убегать от всех племен, и обрели они покой, и создали сказания из своих скорбей, и настало наконец время, когда в Харзе все улыбаются и смеялись дети.

Но рекли боги: «Земля – не место для смеха». Посему вышли Они к внешним вратам Пеганы, где, свернувшись клубком, дремала Чума, и разбудили ее, и указали на Харзу, и Чума, завывая, гигантскими прыжками помчалась туда через все небо.

Той же ночью Чума добралась до полей на окраине Харзы, и, пройдя сквозь травы, усе-лась и свирепо воззрившись на огни, и принялась вылизывать лапы, и снова злобно уставилась на огни.

А на следующую ночь Чума незримо пробралась в город сквозь смеющиеся толпы: она прокрадывалась в дома один за другим и смотрела спящим в глаза – пусть и сквозь закрытые веки, – так что с приходом утра люди эти вперяли взор в никуда, восклицая, что видят Чуму, которую никто другой не видел, и умирали, ведь зеленые глаза Чумы уже заглянули им прямо в душу. От Чумы веяло стылой сыростью, и, однако ж, жар очей ее выжигал людские души. И вот пришли лекари и кудесники, сведущие в магии, и осеняли они дома знаком лекарей и знаком магов, и поливали голубой водою травы, и нараспев произносили заговоры; но Чума все кралась от дома к дому и заглядывала в людские души. И жизни людей отлетали от Харзы, а о том, куда летели они, написано во многих книгах. Но Чума кормилась светом, что сияет в глазах у людей, и никак не могла насытиться; все более сырой и стылой делалась она, а жар ее глаз разгорался все ярче; ночь за ночью проносилась она вскачь по городу и не таилась более.

И взмолились богам жители Харзы, говоря:

– Вышние боги! Смилуйтесь над Харзой!

Боги же внимали их молитвам, но, внимая, указывали Они пальцем и подзадоривали Чуму. И, слыша голоса своих хозяев, Чума наглела все больше и тыкалась мордой едва ли не в глаза своих жертв.

Никто Чуму не видел, кроме тех, кого она поражала. Поначалу Чума отсыпалась днем в туманных лощинах, но все сильнее терзал ее голод, и вскакивала она даже при свете солнца, и припадала к груди своих жертв, и заглядывала им в глаза, и взор ее проникал в самую душу, а душа ссыхалась и сморщивалась, и тогда случалось, что Чуму смутно различали даже те, кого она до поры не коснулась.

Лекарь Адро, сидя в своем покое, при свете единственного ночника смешивал в чаше снадобье, призванное прогнать Чуму, как вдруг от двери потянуло сквозняком и дрогнуло пламя светильника.

Лекарь поежился от холода, и вышел, и закрыл дверь, но, обернувшись, увидел он, как Чума жадно лакает его снадобье; а в следующий миг Чума прыгнула и положила одну лапу на плечо Адро, а другую на плащ его, а еще двумя крепко обхватила его за пояс и заглянула ему в глаза.

Шли двое по улице, и сказал один другому:

– Завтра буду я вечерять с тобою.

И Чума ухмыльнулась широкой ухмылкой, которую никто не видел, и оскалила зубы, и, капая слюной, неслышно удалилась – поглядеть, в самом ли деле этим двоим суждено завтра повечерять вместе.

И вошел в ворота некий путник и молвил:

– Вот Харза. Здесь отдохну я.

Но в тот же день жизнь его отправилась в путь куда дальше Харзы.

Все страшились Чумы; те, кого она поражала, видели ее – но никто не прозревал в звездном свете гигантские силуэты богов, которые Чуму науськивали.

И вот все жители бежали из Харзы, а Чума принялась гоняться за собаками и крысами и наскакивать на летучих мышей, проносящихся в вышине, и все они мерли, и трупы их валялись на улицах. Но очень скоро Чума вернулась к жителям Харзы и принялась преследовать их там, куда бежали они, и поджидала у рек за чертою города, куда люди приходили утолить жажду. Тогда люди, все еще гонимые Чумой, возвратились обратно в Харзу, и собрались в храме Всех богов, кроме Одного, и спросили Верховного Пророка:

– Что же теперь делать?

И отвечивал тот:

– Все боги насмеялись над молитвой. Этот грех должно ныне покарать – и да обрушится на богов отмщение людское.

Люди же благоговейно ждали.

А Верховный Пророк поднялся на Башню под небесами, к которой обращаются взоры всех богов в звездном свете. И там, пред глазами богов, рек он во уши богов, говоря:

– Вышние боги! Вы насмеялись над людьми. Так узнайте же, что в свитках древней мудрости записано такое пророчество: ждет богов КОНЕЦ, и уплывут Они из Пеганы на золотых галеонах вниз по Безмолвной реке и в Безмолвное море, а там Их галеоны уйдут в туман, и боги не будут более богами. Люди в конце концов укроются от насмешек богов в теплой и влажной земле; но боги никогда не перестанут быть Сущностями, кои прежде были богами. Когда Время, и миры, и смерть исчезнут, ничего тогда не останется, кроме никчемных сожалений и Сущностей, кои были некогда богами.

Пред глазами богов.

Во уши богов.

И вскрикнули боги в один голос и указали Своими дланями на горло Верховного Пророка – и прыгнула Чума.

Давным-давно умер Верховный Пророк, и слова его позабыты среди людей, но боги и посейчас не ведают, правда ли, что КОНЕЦ ждет богов; а того, кто мог бы сказать Им, так это или нет, Они убили. И живут боги Пеганы в великом страхе, ибо не знают Они, когда придет Конец и придет ли когда-либо. Так свершилось отмщение людское.

Когда боги спали

Боги, восседая в Пегане, измышляли новые миры – планеты, огромные, круглые и блистающие, и маленькие серебряные луны; а раб Их Время лениво лежал у врат Пеганы – ему нечего было разрушать. И когда (а кто знает когда?) мановением рук боги обратили мысли Свои в планеты и серебряные луны, новые миры стали выплывать из врат Пеганы и занимать на небе свои места, чтобы вечно следовать путями, которые предопределили им боги. И были они столь круглы и огромны и так сияли на все небо, что боги смеялись, кричали и хлопали в ладоши. И с тех пор на земле боги забавлялись игрою богов, игрой в жизнь и смерть, а в других мирах вершили тайные дела, и скрыто от нас, в какие игры Они там играли.

В конце концов Им наскучило передразнивать жизнь и наскучило смеяться над смертью – и тогда Пегану огласил громкий вопль:

– Что, уже не будет ничего нового? Что, Ночь и День, Жизнь и Смерть будут вечно сменять друг друга, пока глазам нашим не наскучит следить за неизменной чередой времен года?

И как ребенок пустыми глазами смотрит на голые стены тесной лачуги, боги равнодушно взирали на эти миры, вопрошая:

– Что, уже не будет ничего нового?

И говорили устало:

– Ах! Снова стать молодым! Ах! Снова родиться из головы МАНА-ЙУД-СУШАИ!

И, усталые, Они отвели от блистающих миров глаза и, устремив их на землю Пеганы, сказали:

– Может случиться, что этим мирам придет конец, и мы легко забудем их.

И боги уснули. И тогда комета оторвалась от своего небесного тела, и ее блуждающая тень затмила небо, а на землю покормиться вышли дети Смерти – Голод, Чума и Засуха. У Голода были зеленые глаза, у Засухи – красные, а Чума была слепа и разила когтями всех подряд, целыми городами.

И когда боги уснули, из-за Предела, из тьмы и безвестности, показались три Йоци, три духа зла, переплыв реку Молчания на челнах с серебряными парусами. Увидев издалека, что Йум и Готум, звезды, стоящие на страже над вратами Пеганы, мерцают и засыпают, они приблизились к Пегане и поняли по тишине внутри, что боги крепко спят. Эти три духа были Йа, Ха и Снирг, повелители зла, безумия и ненависти. То, что они выползли из своих челнов и, крадучись, перешагнули порог Пеганы, предвещало богам много зла. Но все боги спали, и в дальнем углу Пеганы лежала на земле Сила богов, штука, выточенная из черной скалы с выгравированными на ней четырьмя словами, разгадку которых я не мог бы открыть вам, даже если бы нашел, – четыре слова, которых никто не знает. Кто говорит, что они о том, как найти подземный цветок, кто говорит, что они об извержении вулканов, кто говорит, что о смерти рыб, кто говорит, что эти слова – Сила, Знание, Забвение и еще одно слово, которого даже сами боги не могут угадать. Йоци прочли эти слова и поспешили прочь, боясь, что боги проснутся, сели в челны и приказали гребцам торопиться. Так, овладев силой богов, Йоци стали богами. Они поплыли прочь, на землю, и приплыли на скалистый остров, затерянный в море, и уселись там на скалах в позах богов, с поднятой правой рукой. У них была сила богов, только никто не шел поклоняться им. В тех краях к ним не приблизился ни один корабль, не обратилось ни одной вечерней молитвы; ни воскурений фимиама, ни криков жертвоприношений. И Йоци сказали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.